Владимирский государственный университет

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Хрестоматия

Владимир 2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Хрестоматия

Электронное издание

Владимир 2025
ISBN 978-5-9984-2010-8
© ВлГУ, 2025

УДК 930.85
ББК 71.1

Автор-составитель В. Ю. Данилова

Рецензенты:
Кандидат исторических наук
доцент кафедры истории России
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
И. А. Николаева

Кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
О. В. Захарова

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

История мировой культуры [Электронный ресурс] : хрестоматия / авт.-сост. В. Ю. Данилова ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2025. – 88 с. – ISBN 978-5-9984-2010-8. – Электрон. дан. (1,23 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования : Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Acrobat Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Содержит тексты из научных и публицистических статей и монографий, а также вопросы и задания к ним, которые помогают лучше усвоить курс «История мировой культуры», детально проанализировать важные вопросы этого курса.

Предназначена для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 – Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки – «История. Обществознание»).

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Табл. 2. Библиогр.: 16 назв.

ISBN 978-5-9984-2010-8 © ВлГУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА»
В АНТРОПОЛОГИИ XIX – XX вв. 5
1.1. Понятие культуры и методы ее изучения
у Э. Б. Тайлора 5
1.2. Понятие культуры и методы ее изучения
у Б. Малиновского 9
Глава 2. МАССОВАЯ И ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРЫ 15
2.1. Х. Ортега-и-Гассет о восприятии искусства 15
2.2. М. Хоркхаймер и Т. Адорно о культуриндустрии 22
Глава 3. ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 27
3.1. Сущность этнической культуры и примеры
этнических традиций 27
3.2. Этническое самосознание и этническая идентичность 30
Глава 4. КОНТРКУЛЬТУРА И СУБКУЛЬТУРА 34
4.1. Т. Рошак о контркультуре 34
4.2. Молодежные субкультуры 39
Глава 5. ДИНАМИКА И ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР 47
5.1. Дж. Вико о развитии наций 47
5.2. Э. Тоффлер о волнах цивилизаций 50
Глава 6. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 55
6.1. Межкультурное восприятие 55
6.2. Стереотипы в межкультурной коммуникации 59
Глава 7. МИРОВАЯ КУЛЬТУРА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ 66
7.1. Миф и его роль в культуре 66
7.2. Античная культура и современность 70
7.3. Христианская культура 76
7.4. Мусульманская культура 78
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 84
ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ
В ХРЕСТОМАТИЮ 85

ВВЕДЕНИЕ

Изучение курса «История мировой культуры» должно формировать у студентов такую универсальную компетенцию, как способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах. Один из индикаторов достижения этой компетенции – владение навыками анализа философских и исторических фактов, оценки явлений культуры. Тексты, приведенные в данной хрестоматии, вопросы и задания к ним должны помочь студентам овладеть навыками анализа произведений по теории и истории мировой культуры, навыками оценивания явлений мировой культуры.

Хрестоматия разработана в соответствии с рабочей программой дисциплины «История мировой культуры». Издание включает введение; семь глав, каждая из которых содержит отрывки из научных или публицистических произведений, вопросы и задания к ним; заключение; перечень документов, представленных в хрестоматии.

Тексты хрестоматии необходимо использовать при подготовке к практическим занятиям, рейтинг-контролю и зачету.

Для выполнения задания по каждой отдельной теме необходимо сначала внимательно прочитать представленный текст целиком, затем прочитать вопросы и задания и найти на них ответы в тексте. В некоторых заданиях требуется провести отбор информации на основе личных интересов студентов, что должно повысить мотивацию к учебе.

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА» В АНТРОПОЛОГИИ XIX – XX вв.

1.1. Понятие культуры и методы ее изучения у Э. Б. Тайлора

Э. Б. Тайлор
ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА
(Извлечение)

Глава I. Наука о культуре

Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Явления культуры у различных человеческих обществ, поскольку могут быть исследованы лежащие в их основе общие начала, представляют предмет, удобный для изучения законов человеческой мысли и деятельности. С одной стороны, однообразие, так широко проявляющееся в цивилизации, в значительной мере может быть приписано однообразному действию однообразных причин. С другой стороны, различные ступени культуры могут считаться стадиями постепенного развития, из которых каждая является продуктом прошлого и, в свою очередь, играет известную роль в формировании будущего. Исследованию этих двух великих начал в различных этнографических областях мы и посвящаем настоящее сочинение. Особое внимание уделено при этом сопоставлению цивилизации отсталых народов с цивилизацией передовых народов.

<...> Если область исследования вместо истории во всем ее целом будет ограничена той частью ее, которую мы называем культурой, то задача исследования обещает быть более легкой. Материал здесь не так уже безнадежно разнообразен. Он поддается классификации и сравнению. Здесь легче отсеивать посторонние элементы и выделять наиболее существенное.

Ниже мы попытаемся выяснить, как можно классифицировать явления культуры и распределить их по стадиям в том порядке, в каком они, вероятно, развивались.

При рассмотрении с более широкой точки зрения характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившее итальянцев сказать: «Весь мир есть одна страна». Как однообразие, так и постоянство можно проследить, без сомнения, с одной стороны, в общем сходстве природы человека, с другой стороны, в общем сходстве обстоятельств его жизни. Особенно удобно изучать их путем сравнения обществ, стоящих приблизительно на одинаковом уровне культуры. При таких сравнениях не следует придавать большого значения хронологической датировке или географическому положению. Обитатели озерных жилищ древней Швейцарии могут быть поставлены рядом со средневековыми ацтеками, а североамериканские оджибве – рядом с южноафриканскими зулусами. Д-р Джонсон, прочитав в путешествиях Гауксворта описание патагонцев и островитян Тихого океана, презрительно выразился, что все дикие племена похожи друг на друга. Насколько это обобщение действительно верно, может показать каждый этнологический музей.

Для примера обратите внимание на режущие и колющие орудия в какой-либо из подобных коллекций. Они содержат в себе топоры, молоты, долота, ножи, пилы, скребки, шила, иглы, копья и наконечники стрел. Большая часть их принадлежит самым различным расам, а между тем представляет отличия лишь в некоторых деталях.

То же мы видим и в занятиях дикарей: плотничьи изделия, рыболовные сети или удочки, охотничьи стрелы или копья, способы добывания огня, приготовления пищи на огне, ссучиванья веревок и плетения корзин повторяются с удивительным однообразием в образцах всех коллекций, иллюстрирующих быт отсталых обществ от Камчатки до Огненной Земли и от Дагомеи до Гавайских островов.

Даже при сравнении диких племен с образованными народами мы ясно видим, как шаг за шагом быт малокультурных обществ переходит в быт более передовых народов, как легко распознается связь между отдельными формами быта тех и других. Для этого нужно только обратить внимание на европейского крестьянина, когда он работает своим топором или мотыгой, посмотреть, как он кипятит или жарит свою пищу на костре, выяснить настоящее место, какое занимает пиво в его мечтах о счастье, послушать его рассказы о привидениях, будто бы являющихся в каком-нибудь доме, или о племяннице фермера, которую колдовство довело до припадков и даже свело в

могилу. Если мы при этом будем избирать предметы, мало изменившиеся в течение столетий, мы получим картину, в которой английский земледелец будет стоять почти рядом со среднеафриканским негром.

<...> Первым шагом при изучении культуры должно быть расчленение ее на составные части и классифицирование этих последних. Так, рассматривая оружие, мы можем различать копья, палицы, пращи, луки и стрелы и так далее. Между ткацкими изделиями мы найдем плетенья, вязанья и различные способы прядения и тканья нитей. Мифы могут быть разделены на мифы солнечного восхода и заката, затмений, землетрясений, на местные мифы, объясняющие имена местностей какой-нибудь фантастической сказкой, на эпонимические мифы, объясняющие название племени как имя какого-то воображаемого предка, положившего начало роду или племени. Между обрядами и церемониями мы встречаем такие обычаи, как принесение различного рода жертв теням умерших и другим духовным существам, обращение к востоку во время молитвы, очищение от обрядовых или нравственных нарушений посредством воды или огня. Мы привели здесь примеры, взятые из сотен подобных им.

На обязанности этнографа лежит классифицирование этих частностей с целью их географического и исторического распределения и указание существующих между ними отношений. Характер такого рода работы вполне выяснится, если мы сравним эти явления культуры с видами растений и животных, изучаемых натуралистами. Для этнографа лук и стрела составляют вид, так же как и обычай сплющивания детских черепов или обычай счета десятками. Географическое распределение и переход этих явлений из одного района в другой должны быть изучаемы подобно тому, как натуралист изучает географическое размещение своих ботанических и зоологических видов. О некоторых растениях и животных мы говорим, что они свойственны только некоторым местностям. То же мы можем сказать относительно австралийского бумеранга, полинезийской палочки и дощечки для добывания огня, относительно маленького лука со стрелой, употребляемой наподобие ланцета племенами, живущими около Панамского перешейка, относительно каждого орудия, украшения, мифа или обычая, встречающихся изолированно в известных областях. Точно так же как каталог всех видов растений и животных известной

местности дает нам представление о ее флоре и фауне, полный перечень явлений, составляющих общую принадлежность жизни известного народа, суммирует собою то целое, которое мы называем его культурой. Мы знаем, что отдаленные одна от другой области земного шара порождают такие виды растений и животных, между которыми существует удивительное сходство, которое, однако, отнюдь не является тожеством. Но ведь то же самое мы обнаруживаем в культуре обитателей этих стран.

Насколько справедлива подобная аналогия между распространением растений и животных и распространением культуры, мы убеждаемся в тех случаях, которые ясно показывают, что в той и в другой области действовали одни и те же причины. Мы знаем целый ряд районов, где те же обстоятельства, которые привели к введению культурных растений и одомашненных животных, свойственных передовым обществам, обусловили в то же время развитие соответственных знаний и искусств. Событиям, вследствие которых лошадь и пшеница проникли в Америку, обязаны своим появлением здесь и огнестрельное оружие, и стальные топоры, тогда как, наоборот, Старый Свет получил оттуда не только маис, картофель и индеек, но и обычай курения табака и матросские койки (гамаки).

<...> Между свидетельствами, помогающими нам проследить действительный ход цивилизации, существует обширный класс фактов, для обозначения которых я почел удобным ввести термин «пережиток». Это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого.

Так, например, в графстве Сомерсет я знал женщину, ткацкий станок которой относится ко времени, предшествующему введению подвижного челнока, с новоизобретенным применением которого она даже и не была знакома. Я видел, как она перебрасывала свой челнок из одной руки в другую; этой женщине еще нет ста лет, но ее манера тканья не что иное, как пережиток.

Подобные примеры относят нас иногда к нравам за сотни и даже за тысячи лет назад. Остатки ордалий, до сих пор еще сохраняющиеся, представляют пережиток. То же мы видим и в кострах на Иванову

ночь, в поминках бретонских крестьян по душам умерших в день общего поминовения покойников. <...>

Исследование пережитков имеет немаловажное практическое значение, так как большая часть того, что мы называем суевериями, относится именно к пережиткам и, таким образом, является открытой для нападения своего смертного врага – рационального объяснения. Кроме того, как ни незначительны большей частью сами по себе пережитки, изучение их в такой мере способствует выявлению хода исторического развития, что приобретение ясного воззрения на природу пережитков является одной из самых жизненных сторон этнографического исследования.

Вопросы и задания

1. Что автор включает в понятие культуры, каков предмет его исследования?
2. Какие методы автор использует при изучении культуры различных народов? Подберите подходящие цитаты и выделите методы.
3. Какие аналогии проводит автор между изучением природы и изучением культуры народов?

1.2. Понятие культуры и методы ее изучения у Б. Малиновского

Б. Малиновский
НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ
(Извлечение)

Глава 1. Культура как предмет научного исследования

Термин «наука о человеке» применительно к теперешней академической антропологии звучит несколько самонадеянно, чтобы не сказать бессмысленно. Множество дисциплин, старых и почтенных или только что возникших, тоже занимаются изучением природы человека, творениями его рук и отношениями между людьми. Все они, вместе или по отдельности, могут законно считать себя отраслями науки о человеке. Древнейшими здесь окажутся, конечно, этика, теология, история и интерпретации законов и обычаев. Такие знания можно обнаружить и у народов, остающихся до сегодняшнего дня в

каменном веке, и, разумеется, они расцветали в древних цивилизациях Китая и Индии, Передней Азии и Египта. Экономика и юриспруденция, политические науки и эстетика, лингвистика, археология и сравнительное религиоведение – новейший вклад в науку о человеке. Всего пару веков назад психология – изучение души, а позже социология – исследование отношений между людьми – пополнили список официально признанных академических наук.

Антропология как наука о человеке вообще, как самая всеобъемлющая гуманитарная дисциплина – этакий министр без портфеля – появилась последней. Ей пришлось сильно постараться, чтобы отстоять свои права на широту охвата материала, предмет и метод. Она вобрала в себя то, что отложили в сторону другие, и даже пошла на вторжение в старые запасы знания о человеке. Теперь она состоит из таких областей исследования, как изучение доисторического человека, фольклор, физическая антропология и культурная антропология. Все они – в опасной близости от традиционных областей исследования общественных и естественных наук: психологии, истории, археологии, социологии и анатомии.

Эта новая наука родилась под звездой эволюционистского энтузиазма, антропометрических методов и открытий в изучении древнего человека. Неудивительно, что изначально ее интересы сосредоточивались вокруг реконструкции начала человеческого рода, поисков «недостающего звена» и проведения параллелей между доисторическими находками и этнографическими данными. Оглядываясь на достижения предыдущего столетия, мы обнаруживаем всего лишь разрозненное собрание антикварного хлама и обрывков знаний, включая этнографическую эрудицию, измерение и подсчет черепов и костей, а также набор сенсационных сведений о наших – лишь наполовину человеческих – предках. Столь критическая оценка, однако, упустила бы из виду вклад таких первопроходцев сравнительного изучения культур, как Герберт Спенсер и Адольф Бастиан, Эдвард Тайлор и Льюис Морган, генерал Питт Риверс и Фредерик Ратцель, В. Самнер и Рудольф Штейнмец, Эмиль Дюркгейм и А. Келлер. Все эти мыслители, равно как и их последователи, постепенно приближались к выработке научной теории поведения человека, к более глубокому пониманию природы человека, общества и культуры.

Поэтому перед антропологом, пишущим о научном подходе к изучению человека, стоит непростая и весьма важная задача. Он обязан определить, как на самом деле соотносятся разные отрасли антропологии. Он должен указать место, которое должна занимать антропология в ряду родственных гуманитарных наук. И еще ему придется заново ответить на старый вопрос: в каком смысле гуманитарные дисциплины могут быть научны?

В этом очерке я попытаюсь показать, что местом пересечения всех отраслей антропологии является научное исследование культуры. Как только специалист по физической антропологии признает, что «раса – это то, что она делает», ему придется принять и тот факт, что никакие измерения, классификации или описания антропологического типа не будут значимы, пока мы не сможем соотнести антропологический тип и культурное творчество этой расы. Задачи специалиста по доисторическому человеку, а также археолога состоят в том, чтобы восстановить в целости жизненные реалии ушедшей культуры, основываясь на фрагментарной информации, полученной в результате изучения материальных остатков. Этнолог, использующий свидетельства о современных примитивных и более продвинутых культурах в попытке реконструировать историю человека, будь то в терминах эволюционизма или диффузионизма, в равной степени способен основывать свои аргументы на строго научных данных только в том случае, если представляет, что есть культура. И наконец, полевой этнограф не может заниматься наблюдением, пока ему неизвестно, что значимо и существенно, а что следует отбросить как побочное и случайное. Таким образом, доля научности в любой антропологической работе состоит в создании теории культуры, взаимосвязанной с методом полевого наблюдения и со смыслом культуры как процесса и как результата. <...>

Вопросы и задания

1. Какие науки, изучающие человека, называет Б. Малиновский? Что являлось предметом изучения антропологии?
2. Найдите в тексте список авторов, имеющих, по мнению Б. Малиновского, заслуги в сравнительном изучении культур. Кто из этих исследователей вам знаком?
3. Какую роль, по мнению Б. Малиновского, культура играет в антропологии и других науках?

Глава 4. Что такое культура?

<...> Очевидно, что культура – это единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, правил взаимодействия между людьми, идей и ремесел, верований и обычаев. Обратимся ли мы к простой и примитивной культуре или к культуре крайне сложной и развитой, в любом случае мы обнаружим обширный аппарат, частью материальный, частью человеческий и частью духовный, при помощи которого человек способен справиться с встающими перед ним специфическими проблемами. Эти проблемы возникают, потому что человек имеет тело с различными органическими потребностями и потому что он живет в среде, которая для него одновременно и лучший друг, дающий ему сырье, и опасный враг, грозящий множеством опасностей.

Это в чем-то случайное и, конечно, не претендующее на многое утверждение будет в дальнейшем подробно проработано, но уже здесь мы хотим сказать, что теория культуры должна изначально основываться на биологических факторах. В совокупности человеческие существа представляют собой биологический вид. Они вынуждены выполнять элементарные требования, чтобы выжить, чтобы их род продолжился, а здоровье каждого представителя этого рода поддерживалось в норме. Кроме того, всей совокупностью артефактов и своей способностью производить и ценить их человек создает себе вторичную среду обитания. До сих пор мы не сказали ничего нового, и похожие определения культуры уже выдвигались и разрабатывались. Но мы сделаем несколько выводов в добавление к уже известному.

Прежде всего понятно, что органические, базовые потребности индивида и человеческого рода в целом определяют минимальный набор требований, налагающий ограничения на всякую культуру. Должны решаться проблемы, возникающие из человеческой потребности питаться, размножаться и соблюдать гигиену. Они решаются путем создания новой, вторичной, искусственной среды. Эта среда, которая, собственно, и есть культура, должна постоянно воспроизводиться, поддерживаться и регулироваться. В результате образуется то, что можно в самом общем виде определить как новое качество жизни, зависящее от культурного уровня сообщества, окружающей среды и производительности группы. При этом культурное качество жизни предполагает, что появляются новые потребности и новые импера-

вы или налагаются на человеческое поведение новые ограничения. Разумеется, культурная традиция должна передаваться от одного поколения другому. Поэтому в любой культуре обязаны существовать методы и механизмы общения. Должны также поддерживаться порядок и законность, ведь в основе любого культурного достижения лежит совместная деятельность. Поэтому в любом сообществе обязаны существовать установления для санкционирования обычая, этики и закона. А так как материальный, состоящий из артефактов субстрат культуры должен обновляться и поддерживаться в рабочем состоянии, даже для самых примитивных культур необходимы некие формы экономической организации. <...>

Такой анализ, при помощи которого мы пытаемся определить отношения между культурным действием и человеческой потребностью – базовой или производной, – позволительно назвать функциональным. Ибо функцию нельзя определить иначе, нежели как удовлетворение некоторой потребности путем деятельности, в рамках которой люди сотрудничают, используют артефакты и потребляют плоды своего труда. И все же за этим определением стоит еще один принцип, который применим к осмыслению любой фазы культурного поведения. Главное понятие здесь – организация. Чтобы достичь какой-нибудь цели, люди должны организоваться. <...>

Я предлагаю назвать единицу организации в человеческом сообществе старым, но до сих пор не имевшим ясного определения и не всегда употреблявшимся последовательно термином «институт». Это понятие подразумевает соглашение по поводу некоторого ряда традиционных ценностей, которые объединяют группу людей. Предполагается также, что эти люди находятся в определенных отношениях друг к другу и к специфической части их естественной или искусственной среды. В соответствии с поставленной целью и согласно предписаниям традиции, подчиняясь специфическим нормам данной группы и используя те материальные средства, которыми они владеют, люди действуют сообща и таким образом удовлетворяют свои желания, в то же время воздействуя на окружающую среду. <...>

Наши два типа анализа, функциональный и институциональный, позволят нам определить более точно и детально, что такое культура. Культура – это единое целое, состоящее частью из автономных, а частью из согласованных между собой институтов. Она объединяет в

себе ряд моментов, таких как общность крови, смежность среды обитания, связанная с совместной деятельностью, специализация этой деятельности и не в последнюю очередь – использование власти в политических целях. Каждая культура обязана своей целостностью и самодостаточностью тому факту, что она служит удовлетворению всего спектра базовых, инструментальных и интегративных потребностей. <...>

Здесь мы попытаемся показать, что все эволюционные и диффузионные процессы происходят прежде всего в форме институциональных изменений. Например, новое техническое устройство – будь то изобретение или заимствование – включается в уже установленную систему организованного поведения и постепенно приводит к полному преобразованию данного института. С помощью функционального анализа мы покажем, что ни одно изобретение, революция, социальное или интеллектуальное изменение никогда не происходит, если не создается новая потребность. Таким образом, новшества в сфере техники, познания или верований всегда встроены в культурный процесс, некоторый институт.

<...> Научная антропология должна представлять собой исследование институтов, то есть конкретный анализ организации. В качестве теории базовых потребностей инструментальных и интегративных императивов научная антропология предлагает нам функциональный анализ, позволяющий определить форму и значение обычая или культурного приспособления. Нетрудно увидеть, что такой подход ни в коей мере не отвергает и не отрицает правомерности эволюционных и исторических исследований культуры. Он просто придает им научную основу.

Вопросы и задания

1. Какое определение автор дает культуре? Что входит в состав культуры? Подберите все подходящие цитаты.
2. Почему Б. Малиновский считает, что теория культуры должна основываться на биологических факторах?
3. Каким термином автор предложил назвать базовую единицу организации человеческого общества? Для чего нужно выделять такую базовую единицу?
4. Что такое институциональный и функциональный анализы культуры? Для чего они нужны?

Глава 2. МАССОВАЯ И ЭЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРЫ

2.1. Х. Ортега-и-Гассет о восприятии искусства

Х. Ортега-и-Гассет
ДЕГУМАНИЗАЦИЯ ИСКУССТВА
(Извлечение)

Непопулярность нового искусства

Среди многих гениальных, хотя и не получивших должного развития идей великого француза Гюйо[1] следует отметить его попытку изучать искусство с социологической точки зрения. <...>

Живая сила социологии искусства открылась мне неожиданно, когда несколько лет назад довелось писать о новой музыкальной эпохе, начавшейся с Дебюсси[2]. Я стремился определить с возможно большей точностью разницу в стиле новой и традиционной музыки. Проблема моя была чисто эстетическая, и тем не менее я нашел, что наиболее короткий путь к ее разрешению – это изучение феномена сугубо социологического, а именно непопулярности новой музыки. Сегодня я хотел бы высказаться в общем, предварительном плане, имея в виду все искусства, которые сохраняют еще в Европе какую-то жизненность: наряду с новой музыкой – новую живопись, новую поэзию, новый театр. Воистину поразительно и таинственно то тесное внутреннее единство, которое каждая историческая эпоха сохраняет во всех своих проявлениях. Единое вдохновение, один и тот же жизненный стиль пульсируют в искусствах, столь несходных между собою. Не отдавая себе в том отчета, молодой музыкант стремится воспроизвести в звуках в точности те же самые эстетические ценности, что и художник, поэт и драматург – его современники. И эта общность художественного чувства поневоле должна привести к одинаковым социологическим последствиям. В самом деле, непопулярности новой музыки соответствует такая же непопулярность и остальных муз. Все молодое искусство непопулярно – и не случайно, но в силу его внутренней судьбы.

Мне могут возразить, что всякий только что появившийся стиль переживает «период карантина», и напомнить баталию вокруг «Эрнани»[3], а также и другие распри, начавшиеся на заре романтизма.

И все-таки непопулярность нового искусства – явление совершенно иной природы. Полезно видеть разницу между тем, что непопулярно, и тем, что ненародно.

Стиль, который вводит нечто новое, в течение какого-то времени просто не успевает стать народным; он непопулярен, но также и ненароден. Вторжение романтизма, на которое можно сослаться в качестве примера, как социологический феномен совершенно противоположно тому, что являет искусство сегодня. Романтизму весьма скоро удалось завоевать «народ», никогда не воспринимавший старое классическое искусство как свое. Враг, с которым романтизму пришлось сражаться, представлял собой как раз избранное меньшинство, закостеневшее в архаических «старорежимных» формах поэзии. С тех пор как изобрели книгопечатание, романтические произведения стали первыми, получившими большие тиражи. Романтизм был народным стилем *par excellence* [преимущественно, в высшей степени].

Первенец демократии, он был баловнем толпы.

Напротив, новое искусство встречает массу, настроенную к нему враждебно, и будет сталкиваться с этим всегда. Оно не народно по самому своему существу; более того, оно антинародно. Любая вещь, рожденная им, автоматически вызывает в публике курьезный социологический эффект. Публика разделяется на две части; одна часть, меньшая, состоит из людей, настроенных благосклонно; другая, гораздо большая, бесчисленная, держится враждебно. (Оставим в стороне капризную породу «снобов».) Значит, произведения искусства действуют подобно социальной силе, которая создает две антагонистические группы, разделяет бесформенную массу на два различных стана людей.

По какому же признаку различаются эти две касты? Каждое произведение искусства вызывает расхождения: одним нравится, другим – нет; одним нравится меньше, другим – больше. У такого разделения неорганический характер, оно непринципиально. Слепая прихоть нашего индивидуального вкуса может поместить нас и среди тех, и среди других. Но в случае нового искусства размежевание это происходит на уровне более глубоком, чем прихоти нашего индивидуального вкуса. Дело здесь не в том, что большинству публики *не нравится* новая вещь, а меньшинству – нравится. Дело в том, что большинство, масса, просто *не понимает* ее. Старые хрычи, которые при-

сутствовали на представлении «Эрнани», весьма хорошо понимали драму Виктора Гюго, и именно потому что понимали, драма не нравилась им. Верные определенному типу эстетического восприятия, они испытывали отвращение к новым художественным ценностям, которые предлагал им романтик.

«С социологической точки зрения» для нового искусства, как мне думается, характерно именно то, что оно делит публику на два класса людей: тех, которые его понимают, и тех, которые не способны его понять. Как будто существуют две разновидности рода человеческого, из которых одна обладает неким органом восприятия, а другая его лишена. Новое искусство, очевидно, не есть искусство для всех, как, например, искусство романтическое: новое искусство обращается к особо одаренному меньшинству. Отсюда – раздражение в массе. Когда кому-то не нравится произведение искусства именно поскольку оно понятно, этот человек чувствует свое «превосходство» над ним, и тогда раздражению нет места. Но когда вещь не нравится потому, что не все понятно, человек ощущает себя униженным, начинает смутно подозревать свою несостоятельность, неполноценность, которую стремится компенсировать возмущенным, яростным самоутверждением перед лицом произведения. Едва появившись на свет, молодое искусство заставляет доброго буржуа чувствовать себя именно таким образом: добрый буржуа, существо, неспособное к восприятию тайн искусства, слеп и глух к любой бескорыстный красоте. И это не может пройти без последствий после сотни лет всеобщего заискивания перед массой и возвеличивания «народа». Привыкшая во всем господствовать, теперь масса почувствовала себя оскорбленной этим новым искусством в своих человеческих «правах», ибо это искусство привилегированных, искусство утонченной нервной организации, искусство аристократического инстинкта. Повсюду, где появляются юные музы, масса преследует их.

В течение полутора веков «народ», масса претендовали на то, чтобы представлять «все общество». Музыка Стравинского[4] или драма Пиранделло производят социологический эффект, заставляющий задуматься над этим и постараться понять, что же такое «народ», не является ли он просто одним из элементов социальной структуры, косной материей исторического процесса, второстепенным компонентом бытия. Со своей стороны, новое искусство содействует тому,

чтобы «лучшие» познавали самих себя, узнавали друг друга среди серой толпы и учились понимать свое предназначение: быть в меньшинстве и сражаться с большинством.

Близится время, когда общество, от политики и до искусства, вновь начнет складываться как должно, в два ордена, или ранга, – орден людей выдающихся и орден людей заурядных. Все недуги Европы будут исцелены и устранены благодаря этому новому спасительному разделению. Неопределенная общность, бесформенное, хаотическое, лишенное внутреннего строя объединение без какого-либо направляющего начала – то, что существовало на протяжении последних полутораста лет, – не может существовать далее. Под поверхностью всей современной жизни кроется глубочайшая и возмутительнейшая неправда – ложный постулат реального равенства людей. В общении с людьми на каждом шагу убеждаешься в противоположном, ибо каждый этот шаг оказывается прискорбным промахом. <...>

Извлечем из молодого искусства его сущностный принцип и посмотрим, в каком глубинном смысле оно непопулярно.

Художественное искусство

Если новое искусство понятно не всем, это значит, что средства его не являются общечеловеческими. Искусство предназначено не для всех людей вообще, а только для очень немногочисленной категории людей, которые, быть может, и не значительнее других, но явно не похожи на других.

Прежде всего, есть одна вещь, которую полезно уточнить. Что называет большинство людей эстетическим наслаждением? Что происходит в душе человека, когда произведение искусства, например театральная постановка, «нравится» ему? Ответ не вызывает сомнений: людям нравится драма, если она смогла увлечь их изображением человеческих судеб. Их сердца волнуют любовь, ненависть, беды и радости героев: зрители участвуют в событиях, как если бы они были реальными, происходили в жизни. И зритель говорит, что пьеса «хорошая», когда ей удалось вызвать иллюзию жизненности, достоверности воображаемых героев. В лирике он будет искать человеческую любовь и печаль, которыми как бы дышат строки поэта. В живописи зрителя привлекут только полотна, изображающие мужчин и женщин, с которыми в известном смысле ему было бы интересно жить. Пейзаж

покажется ему «милым», если он достаточно привлекателен как место для прогулки.

Это означает, что для большей части людей эстетическое наслаждение не отличается в принципе от тех переживаний, которые сопутствуют их повседневной жизни. Отличие – только в незначительных, второстепенных деталях: это эстетическое переживание, пожалуй, не так утилитарно, более насыщенно и не влечет за собой каких-либо обременительных последствий. Но в конечном счете предмет, объект, на который направлено искусство, а вместе с тем и прочие его черты для большинства людей суть те же самые, что и в каждодневном существовании, – люди и людские страсти. И искусством назовут они ту совокупность средств, которыми достигается этот их контакт со всем, что есть интересного в человеческом бытии. Такие зрители смогут допустить чистые художественные формы, ирреальность, фантазию только в той мере, в какой эти формы не нарушают их привычного восприятия человеческих образов и судеб. Как только эти собственно эстетические элементы начинают преобладать и публика не узнает привычной для нее истории Хуана и Марии[6], она сбита с толку и не знает уже, как быть дальше с пьесой, книгой или картиной. И это понятно: им неведомо иное отношение к предметам, нежели практическое, то есть такое, которое вынуждает нас к переживанию и активному вмешательству в мир предметов. Произведение искусства, не побуждающее к такому вмешательству, оставляет их безучастными.

В этом пункте нужна полная ясность. Скажем сразу, что радоваться или сострадать человеческим судьбам, о которых повествует нам произведение искусства, есть нечто очень отличное от подлинно художественного наслаждения. Более того, в произведении искусства эта озабоченность собственно человеческим принципиально несовместима со строго эстетическим удовольствием. <...>

Соответственно тот, кто в произведении искусства ищет переживаний за судьбу Хуана и Марии или Тристана и Изольды и приспосабливает свое духовное восприятие именно к этому, не увидит художественного произведения как такового. Горе Тристана есть горе только Тристана и, стало быть, может волновать только в той мере, в какой мы принимаем его за реальность. Но все дело в том, что художественное творение является таковым лишь в той степени, в какой

оно не реально. Только при одном условии мы можем наслаждаться Тициановым портретом Карла V, изображенного верхом на лошади: мы не должны смотреть на Карла V как на действительную, живую личность – вместо этого мы должны видеть только портрет, ирреальный образ, вымысел. Человек, изображенный на портрете, и сам портрет – вещи совершенно разные: или мы интересуемся одним, или другим. В первом случае мы «живем вместе» с Карлом V; во втором «созерцаем» художественное произведение как таковое. <...>

На протяжении XIX века художники работали слишком нечисто. Они сводили к минимуму строго эстетические элементы и стремились почти целиком основывать свои произведения на изображении человеческого бытия. Здесь следует заметить, что в основном искусство прошлого столетия было, так или иначе, реалистическим. Реалистом были Бетховен и Вагнер. Шатобриан – такой же реалист, как и Золя. Романтизм и натурализм, если посмотреть на них с высоты сегодняшнего дня, сближаются друг с другом, обнаруживая общие реалистические корни.

Творения подобного рода лишь отчасти являются произведениями искусства, художественными предметами. Чтобы наслаждаться ими, вовсе не обязательно быть чувствительными к неочевидному и прозрачному, что подразумевает художественная восприимчивость. Достаточно обладать обычной человеческой восприимчивостью и позволить тревогам и радостям ближнего найти отклик в твоей душе. Отсюда понятно, почему искусство XIX века было столь популярным: его подавали массе разбавленным в той пропорции, в какой оно становилось уже не искусством, а частью жизни. Вспомним, что во все времена, когда существовали два различных типа искусства – одно для меньшинства, другое для большинства, последнее всегда было реалистическим.

Не будем спорить сейчас, возможно ли чистое искусство. Очень вероятно, что и нет; но ход мысли, который приведет нас к подобному отрицанию, будет весьма длинным и сложным. Поэтому лучше оставим эту тему в покое, тем более что, по существу, она не относится к тому, о чем мы сейчас говорим. Даже если чистое искусство и невозможно, нет сомнения в том, что возможна естественная тенденция к его очищению. Тенденция эта приведет к прогрессивному вытеснению элементов «человеческого, слишком человеческого», которые

преобладали в романтической и натуралистической художественной продукции. И в ходе этого процесса наступает такой момент, когда «человеческое» содержание произведения станет настолько скудным, что сделается почти незаметным. Тогда перед нами будет предмет, который может быть воспринят только теми, кто обладает особым даром художественной восприимчивости. Это будет искусство для художников, а не для масс; это будет искусство касты, а не демоса.

Вот почему новое искусство разделяет публику на два класса – тех, кто понимает, и тех, кто не понимает его, то есть на художников и тех, которые художниками не являются. Новое искусство – это чисто художественное искусство.

Примечания

[1] Гюйо, Жан Мари (1854 – 1888) – французский философ-позитивист, поэт и драматург. Автор нескольких трактатов по этике, эстетике и философии истории.

[2] Дебюсси, Клод (1862 – 1918) – французский композитор, основоположник музыкального импрессионизма.

[3] «Эрнани» – пьеса Виктора Гюго (1802 – 1885), в которой нашли художественное воплощение принципы его романтического метода. Премьера «Эрнани» в феврале 1830 г., в самый канун революции, послужила сигналом для «битвы романтиков с классиками», завершившейся победой романтизма.

[4] Стравинский, Игорь Федорович (1882 – 1971) – русский и американский композитор.

[5] Пиранделло, Луиджи (1867 – 1936) – итальянский писатель, драматург.

[6] Русский эквивалент – «про Ивана да Марью», т. е. история, описывающая бытовые реалии повседневного существования.

Вопросы и задания

1. Какие виды искусства рассматривает Х. Ортега-и-Гассет?
2. На какие два класса новое искусство делит публику, по мнению автора? Чем они различаются?
3. Какими словами автор называет эти два класса людей? Подберите подходящие цитаты.

4. Что автор считает настоящим эстетическим наслаждением, удовольствием, а что не считает? Согласны ли вы с его точкой зрения?

5. Как автор объясняет популярность искусства XIX века и непопулярность «нового искусства»? Что он относит к «новому искусству»?

6. Объясните смысл фразы: «Это будет искусство касты, а не демоса». Для этого вспомните из курса истории Древнего мира смысл понятий «каста» и «демос».

2.2. М. Хоркхаймер и Т. Адорно о культуриндустрии

М. Хоркхаймер, Т. Адорно
ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ.
ФИЛОСОФСКИЕ ФРАГМЕНТЫ
(Извлечение)

Культуриндустрия. Просвещение как обман масс

<...> Сегодня культура на все накладывает печать единообразия. Кино, радио, журналы образуют собой систему. Каждый в отдельности ее раздел и все вместе высказывают редкостное единодушие. Даже противоположные по политической направленности эстетические манифестации одинаковым образом возносят хвалу общему стальному ритму. В декоративном отношении управленческие и выставочные площадки индустрии в авторитарных и прочих странах едва ли в чем-либо отличаются друг от друга. <...> Вся массовая культура в условиях господства монополий является идентичной, а ее скелет, сфабрикованный последними понятийный костяк, становится отчетливо очерченным. В его (господства монополий) маскировке правители уже более не столь уж и заинтересованы, их власть упрочивается по мере того, как все более и более брутальной она себя выказывает. Кино и радио уже более не требуется выдавать себя за искусство. Та истина, что они являются не чем иным, как бизнесом, используется ими в качестве идеологии, долженствующей легитимировать тот хлам, который они умышленно производят. Они сами себя называют индустриями, и публикуемые цифры доходов их генеральных директоров

устраняют всякое сомнение в общественной необходимости подобного рода готовых продуктов.

Заинтересованные стороны охотно дают пояснения о культуриндустрии в технологических терминах. Утверждается, что вложенные в нее миллионы делают необходимыми процессы воспроизводства, в свою очередь неизбежно приводящие к тому, что на несметных по числу местах одинаковые потребности удовлетворяются посредством стандартизированных продуктов. <...> Ну а стандарты якобы изначально ведут свое происхождение от потребностей потребителей: поэтому-то они и принимаются почти без сопротивления. На самом деле тут имеет место замкнутый круг между манипуляцией и являющейся реакцией на нее потребностью, делающий все более плотным и плотным единство системы. При этом умалчивается о том, что той почвой, на которой техникой приобретается власть над обществом, является власть экономически сильнейших над обществом. Техническая рациональность сегодня является рациональностью самого господства как такового. Она есть свойство отчужденного от самого себя общества быть обществом принуждения. Автомобилями, бомбами и кино целое сплачивается воедино до тех пор, пока присущая им нивелирующая стихия не начинает пробовать свои силы на той самой несправедливости, служительницей которой она являлась. Пока что всем этим техника культуриндустрии была превращена в феномен стандартизации и серийного производства, а в жертву было принесено то, что всегда отличало логику произведения искусства от логики социальной системы. Однако вину за это никоим образом не следует возлагать на некий закон развития техники как таковой, но только лишь – на способ ее функционирования в экономике сегодня. Потребность, способная противостоять центральному контролю, уже подавляется контролем индивидуального сознания. Шаг вперед от телефона к радио привел к отчетливому распределению ролей. Первый все еще позволял его пользователям либерально играть роль субъекта. Второе демократично превращает всех одинаковым образом в слушателей с тем, чтобы совершенно авторитарно отдать их во власть между собой полностью идентичных программ различных станций. Не получила развития предоставляющая возможность индивидуального отклика аппаратура, а частным радиопередачам отказано в праве обладать какой-либо свободой деятельности. Они ограничены апокри-

фической сферой «любительства», которая в придачу к тому еще и организуется сверху. Любой всплеск спонтанного самовыражения со стороны публики немедленно становится управляемым и абсорбируется в рамках официального радиовещания благодаря усилиям охотников за талантами, конкурсам перед микрофоном, протежируемым мероприятиям по профессиональному отбору самого различного толка. Таланты являются собственностью индустрии еще задолго до того, как выставляются ею напоказ: в противном случае они не стремились бы так рьяно приобщиться к ней. Расположение публики, и мнимо, и на самом деле благоприятствующей системе культуриндустрии, есть часть системы, а не ее оправдание. Когда какая-либо область искусства начинает следовать рецепту, заимствованному из практики по медиативному типу и материалу бесконечно от нее удаленной другой области, когда драматическая интрига «мыльных опер» на радио превращается в конечном итоге в нравоучительный пример преодоления технических трудностей <...> или когда оскорбительная «адаптация» фрагмента бетховенской симфонии осуществляется таким же образом, каким происходит адаптация романа Толстого посредством фильма, рекурс к желаниям публики становится пустой отговоркой. Гораздо ближе к сути дела подходит объяснение, принимающее во внимание удельный вес в данном процессе технического аппарата и персонала, которых, однако, вплоть до мельчайших подробностей следует рассматривать в качестве составной части механизма экономического отбора. К этому добавляется также и договоренность, по меньшей мере коллективная решимость исполнительной властью обладающих не производить или не пропускать ничего из того, что не укладывается в их таблицы, что не соответствует их представлению о потребителе, и прежде всего – что не похоже на них самих. <...>

Не считающееся ни с чем единство киноиндустрии является предвестником грядущего единства в политике. Постоянно подчеркиваемые различия, такие, например, как между фильмами категорий А и В или публикациями в журналах разного уровня цен, порождаются не столько самой сутью дела, сколько служат задаче классификации, организации и учета потребителя. Здесь для всех что-нибудь да оказывается предусмотренным с тем, чтобы ускользнуть не мог никто, различия культивируются и пропагандируются. Обеспечение публики иерархией серийного производства качеств способствует все более и

более сплошной квантификации. Якобы спонтанно каждый должен вести себя в соответствии в заранее определяемым посредством индексации своим «уровнем» и иметь дело только с теми категориями массовых продуктов, которые производятся специально для его типа. В качестве статистического материала потребители подразделяются на географической карте исследовательских инстанций, уже более ничем не отличающихся от инстанций пропагандистских, на группы сообразно их доходу <...>.

Весь мир становится пропущенным через фильтр культуриндустрии. Хорошо известное ощущение кинозрителя, воспринимающего улицу, на которой стоит кинотеатр, как продолжение только что закончившегося зрелища именно потому, что последнее всегда ориентировано на точное воспроизведение обыденного восприятия мира, становится путеводной нитью производственного процесса. Чем более плотным и сплошным оказывается осуществляемое его техниками удвоение эмпирической предметности, тем легче удается сегодня утвердиться иллюзии, что внешний мир является всего лишь непосредственным продолжением того, с которым сводят знакомство в кинотеатре. С момента произошедшего с молниеносной быстротой внедрения звукового кино механическое приумножение действительности целиком и полностью начинает обслуживать этот замысел. В соответствии с этой тенденцией реальной жизни уже более не дозволяется в чем-либо отличаться от звукового фильма. Благодаря тому, что он, далеко превосходя иллюзионизм театра, уже более не оставляет фантазии и мысли зрителей того измерения, в котором они, не теряя нити повествования, в рамках фильма и в то же время совершенно не подлежащим контролю образом могли бы отвлечься и дистанцироваться от его точной фактуры, учит он отданных ему на произвол самым непосредственным образом идентифицировать его с реальной действительностью. Захирение способности к воображению и спонтанной реакции у потребителей культуры сегодня уже не нужно сводить к действию определенных психологических механизмов. Ее продукты сами, и в первую очередь самый характернейший, звуковой фильм, парализуют какую бы то ни было возможность для них обладать такого рода способностями. Они построены таким образом, что, хотя для их адекватного восприятия и требуется схватывать все быстро и аккуратно, быть наблюдательным и сведущим, именно мысли-

тельную активность воспрещают они тому зрителю, который не хочет ничего упустить из проносящегося перед его взором потока фактов. Хотя требующееся тут от зрителя напряжение является столь хорошо рассчитанным, что в конкретных случаях не возникает необходимости в его актуализации, оно все же оказывается достаточным для того, чтобы вытеснить воображение. Того, кто поглощен космосом фильма до такой степени, что уже не способен дополнить его тем, благодаря чему он лишь и становится космосом, вовсе не обязательно должны в момент демонстрации фильма всецело занимать особенности его машинерии и достигнутые ею успехи. По всем иным фильмам и прочим фабрикатам культуры, с которыми он должен быть знаком, ему уже настолько хорошо известна степень требуемого тут внимания, что она достигается автоматически. Могущество индустриального общества подчиняет себе человека раз и навсегда. Продукты культуриндустрии могут рассчитывать на то, что они будут проворно потреблены даже в состоянии предельного расстройства. Ибо всякий человек является моделью гигантской экономической машинерии, изначально и постоянно, и в ситуации труда, и в ситуации ему подобного отдыха удерживающей всех в напряжении. Из любого звукового фильма, из любой радиопередачи может быть почерпнуто то, что в качестве социального эффекта не может быть приписано никому в отдельности, но только всем вместе. <...>

Вопросы и задания

1. Как вы поняли, что такое культуриндустрия?
2. Каковы характерные черты культуриндустрии?
3. Какие средства массовой информации, упоминаемые в тексте, способствовали созданию культуриндустрии? Подберите подходящие цитаты.
4. В чем авторы видят связь культуриндустрии с экономикой и политикой?
5. Почему авторы назвали главу «Просвещение как обман масс»?

Глава 3. ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

3.1. Сущность этнической культуры и примеры этнических традиций

М. В. Монгуш, А. А. Зайцева, Е. С. Бакшеев

«ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»: СОДЕРЖАНИЕ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОНЯТИЯ

(Извлечение)

Современная культурология исходит из того, что общий массив национальной культуры включает в себя все формы, способы и результаты деятельности, бытующие в данном этносе. А также включает всю совокупность производимых и потребляемых этносом культурных явлений, включая иноэтнические заимствования, комплексы и элементы интернациональной общемировой культуры, локальные культурные черты, присущие ряду соседних или родственных этносов.

В отличие от общей культуры специфичная этническая культура охватывает только то, что воспринимается и самим этносом, и его соседями как характерная именно для него и ассоциируемая с ним. Этническая культура охватывает в основном сферу быта и способы повседневной жизнедеятельности людей, касаясь, прежде всего, социокультурных особенностей локального однородного сообщества. Обряды, обычаи, привычки поведения, характерные народные промыслы и прочие устойчивые черты быта, передаваемые из поколения в поколение, составляют основу этнической культуры. <...>

Этнические традиции представляют собой основные формы коллективного опыта, выраженные в социально организованных стереотипах и воспроизводимые этносом в целом или его отдельными значительными частями путем культурной пространственно-временной трансмиссии. <...>

Основные условия существования этнической традиции – это ее хранение в живой коллективной памяти этноса, постоянное воспроизведение и межпоколенная передача.

Однако следует иметь в виду, что та или иная устойчивая этническая традиция со временем может стать и *этнической символикой*.

Обычно под этнической символикой принято понимать комплекс тех явлений и элементов материальной и духовной культуры, которые, помимо своей прямой функциональной роли удовлетворения тех или иных нужд своих носителей, выполняют также этноразличительную функцию. <...>

Чтобы представить, каким образом тот или иной феномен этнической культуры в зависимости от ситуации и обстоятельств трансформируется либо в традицию, либо в символ, или в то и другое одновременно, рассмотрим несколько примеров.

К специфическим явлениям этнической культуры, ставшим этнической символикой, можно отнести, например, знаменитую корриду – наиболее распространенную форму боя быков, традиционное любимое зрелище испанцев. Хотя коррида и практикуется в некоторых других странах, нигде она так не популярна, как в Испании, а потому воспринимается именно как символ испанской этнической культуры. Смысл корриды состоит в выполнении определенной последовательности фигур с быком особой иберийской породы, которые обычно завершаются убийством быка. <...>

Коррида считается одним из воплощений испанского национального духа. Бык вообще (в особенности его характерное изображение в виде силуэта) воспринимается как один из символов страны и даже неформально помещается на флаг Испании вместо герба. В современном мире коррида расценивается не только как неотъемлемая часть испанской национальной культуры, но и как международный бренд Испании, подразумевающий «горячую кровь» и «дикие нравы», что не совсем соответствует образу современной европейской страны, но все же является символом ее культуры. <...>

Следующим примером специфической этнической культуры, традиция которой лишь частично символизирована, служит горловое пение. Оно развито у относительно небольшого числа народов в Саяно-Алтайском ареале Центральноазиатского культурно-исторического региона – тувинцев, хакасов, алтайцев, монголов, а за пределами этой этнокультурной зоны – у башкиров и в виде рудимента – у якутов и бурятов. По признанию специалистов, именно тувинцы сохраняют эту традицию в наиболее полном виде, во всем многообразии и богатстве стилей, в тесном и органичном единстве со всей духовной культурой.

Тувинцы, в отличие от других народов, владеющих одним или двумя стилями горолового пения, мастерски используют восемь стилей: хоомей, каргыраа, сыгыт, борбан, эзенги, хунзат, хову каргыраагы и суг каргыраазы.

Тувинское горловое пение привлекает внимание, в первую очередь, необычностью своего звучания: исполнитель – хоомейжи – во время пения одновременно издает два разных звука, один из которых неподготовленный слушатель может принять за игру какого-либо инструмента, хотя в действительности они исходят из гортани человека. <...> Сегодня этот феномен музыкальной культуры стал этническим символом и известным брендом Тувы. <...>

Явление этнической культуры не обязательно должно быть ограничено одним этносом: оно может быть присуще ряду этносов, но важно его осознание в данном этносе как своего, ощущение эмоциональной и символической связи людей с ним. Так, например, к нескольким этносам одновременно относится известный карело-финский поэтический эпос «Калевала». Эпос состоит из 50 рун – песен. Время их возникновения определяется лишь приблизительно. Однако несомненно то, что главная их часть сложилась во время господства католицизма на восточном побережье Балтийского моря, т. е. в конце Средневековья и в самом начале Нового времени. <...> В фольклорную традицию вошли народные песни под названием «Калевала» – именно так называется эпическая страна, в которой живут и действуют народные герои.

Народные песни «Калевала» до сих пор сохраняются на севере Карелии, по всей границе между Карелией и Финляндией, на Карельском перешейке, в приморской полосе Ленинградской области, а также в Эстонии, составляя достояние не только финнов и карелов, но и эстонцев. <...>

Впрочем, и заведомо заимствованные явления могут интегрироваться в этническую культуру. Так, в южной части Японии некоторые виды праздничных блюд – бисквит касутэра, тэмпура (рыба, морепродукты, овощи, приготовленные во фритюре) и другие, заведомо известные как заимствованные в XVI – XVII вв. у португальцев, однако входят в местную этническую культуру и даже считаются своего рода локальными национальными символами.

То же самое относится к итальянским спагетти: рецепт их изготовления был вывезен в конце XIII века итальянскими монахами во главе с Марко Поло из Китая. Та же судьба у пельменей: они были позаимствованы у китайцев соседними народами, в том числе и русскими. Ныне понятие «сибирские пельмени» выступает как один из символов русской кухни. Картофель, когда-то завезенный Петром I из Южной Америки в Россию, также прочно вошел в пищевой рацион россиян. Сегодня уже невозможно представить русскую кухню без блюд из картофеля. <...>

Вопросы и задания

1. Что входит в понятие «этническая культура»?
2. Что авторы статьи понимают под этническими традициями и этнической символикой?
3. Приведите из текста статьи примеры этнических традиций и этнической символики.
4. Приведите из текста статьи примеры традиций, заимствованных одним этносом у других этносов.
5. Можете ли вы привести примеры этнических традиций из собственного жизненного опыта? Если да, то какие?

3.2. Этническое самосознание и этническая идентичность

Е. А. Ерохина

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ И МЕНТАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

(Извлечение)

Этническое самосознание и этническая идентичность

Этническое самосознание опирается на представления об общности исторических судеб и общности культуры, возникшие как результат солидарности и соотнесения собственных ценностных ориентаций с групповыми ценностями. Фундаментальной по отношению к существованию этнического субъекта детерминантой мы рассматриваем присутствие Другого. Осознание отличий в результате противопоставления «мы» – «они» есть механизм, который конструирует эт-

нические образы «своего» и «другого». Сконструированные самосознанием этнические образы представляют собой информацию вторичного характера и являются результатом отражения не столько реальных ролей партнеров, сколько представлений о месте «себя» и «другого» в межэтническом взаимодействии.

Собственный этнический образ – компонент структуры этнического самосознания. Это же касается и образа «другого», который есть достояние самосознания данного этноса, что предполагает некоторую степень неадекватности в восприятии другой этнической общности, ибо свойства и возможности «другого» оцениваются через призму ценностных представлений, присущих данной этнической общности.

Этнический образ есть представление о типичном для этноса индивиде, воплощающее в себе единство общего и единичного. Этнический образ строится на основе чувственно-конкретного понимания типичности. Этим он близок образам искусства. Его сходство с последним состоит еще и в том, что, будучи отражением действительности, он сам косвенно программирует действительность, поощряя или ограничивая поведенческие акты.

Этнический образ – воплощенное представление об индивидуальном, физически взятом человеке. Телесность образа вовсе не означает, что он отражает среднестатистические данные о физическом или психическом типе человека определенной этничности. Данные этнического образа скорее отражают восприятие этноса, поданное через типическую личность. Этнический образ является представлением об облике человека определенной этнической принадлежности, который может подчеркиваться и через указания на нрав, будучи зафиксированным в формулах-описаниях типа «гордый испанец», «педантичный немец» или «легкомысленный француз», и через внешность образа.

Так, например, образ Джона Булля представляет собой персонификацию английского характера, отражающую как представления англичан о себе (воплощение солидарности как характерной черты), так и реальной истории. Исторический период, связанный с промышленным переворотом и выдвижением демократических слоев, отразился в простонародном имени Джон, развитие животноводства и связанное с ним процветание в XVI веке воплотилось в плотной ком-

плекции Булля: в эпоху Елизаветы обжорство было признано нормой этикета.

Образ сухопарого дяди Сэма строился как противоположность дородному Буллю. Это неудивительно, если учитывать, что время рождения этого образа – время военных действий между США и Англией.

Этнические образы отражают не одну, а две реальности, или, точнее, два народа – тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого они слагаются и получают распространение. Двойственный характер этнических представлений не должен вводить в заблуждение преувеличением значения одной из сторон в ущерб другой. В действительности обе стороны этнических представлений тесно связаны. Исследуя наслоения, заключенные в этническом образе, следует выделять в них рациональное начало, подлинную действительность, но одновременно это предполагает и исследование характера наслоений как таковых. Обе стороны необходимо рассматривать в контексте друг друга.

Открытие двойственного характера этнических представлений заставило изменить взгляд на те искажения, которыми полны этнические образы, а также на перспективу отделения в них правды от вымысла. Ведь если искажения неизбежно сопровождают этнические представления, неотделимые от них, то, следовательно, они закономерны и, как всякое явление, имеющее реальные причины, подлежат исследованию. Более того, наличие предвзятостей в них уже не выглядит как недостаток. Оно увеличивает ценность исследования: изучая этнические образы, мы получаем доступ к глубинам национальной психики, в том числе того народа, который создает эти образы.

Ключевым моментом актуализации этнических образов является потребность в идентификации. И если этническое самосознание является феноменом коллективного сознания, содержащим надындивидуальные представления, то этническая идентичность есть результат личностной идентификации. Как форма внутриэтнического и межэтнического взаимодействия этническая идентичность, по мнению Г. У. Солдатовой, имеет свои особенности:

1) Она – «родом из прошлого», даже если в значительной мере формируется элитами и мало считается с «естественными» факторами;

2) Она мифологична и квазирациональна, что позволяет ей мобилизовывать новых сторонников;

3) Она – зависимая переменная. Это означает, что преданность этническим идеалам способна возрастать или убывать в зависимости от внешних обстоятельств;

4) Она обладает «двойным дном», так как этническая культура, лежащая в ее основе, разделяется на культуру для «внешнего» и «внутреннего» пользования;

5) Она связывает и солидаризирует на основе группового членства;

6) Она есть функция отношений с другими этническими группами, которые складываются по принципу оппозиции;

7) Она – категория «эмоционально-нормативная». Достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида. Эмоциональные императивы влияют на образы восприятия и в значительной степени объясняют иррациональность поведения сторон в этнических конфликтах. <...>

Вопросы и задания

1. Как автор статьи характеризует этническое самосознание? Какую роль в нем играет представление о «себе» и «другом»?

2. Что такое этнический образ? Примеры каких этнических образов приводит автор?

3. Как вы поняли из текста статьи, этнические образы других народов предвзяты или объективны?

4. Что означает термин «идентичность»? Найдите его определение с помощью интернет-ресурсов.

5. В тексте представлены характерные черты этнической идентичности. Какая из этих характеристик вам кажется самой простой и понятной, а какая – самой сложной? Объясните свое мнение.

Глава 4. КОНТРКУЛЬТУРА И СУБКУЛЬТУРА

4.1. Т. Рошак о контркультуре

Т. Рошак
ИСТОКИ КОНТРКУЛЬТУРЫ
(Извлечение)

Глава II. Нашествие кентавров

«Сегодня – в каждом “сегодня” – сосуществуют разные поколения, и отношения, какие складываются между ними из-за разницы возрастов, представляют собой динамическую систему влечений и отвращений, согласий и противоречий, которая в каждый конкретный момент формирует историческую реальность»[1].

Если согласиться с Ортегой, что неровный процесс смены поколений является важным элементом исторических изменений, придется признать: молодежь мало что может сделать, кроме как частично или маргинально переработать доставшуюся им в наследство культуру (хотя они могут удовольствоваться и чисто внешними изменениями, затеянными просто из самолюбия или каприза). Что примечательно в нынешней смене поколений – так это масштаб и выявившаяся глубина антагонизма. Не будет преувеличением назвать то, что на наших глазах растет в молодежной среде, контркультурой. То есть культурным течением, настолько радикально отошедшим от принципов массовой культуры нашего общества, что стало вовсе не похожим на культуру и обретает тревожную форму варварского вторжения.

Сразу вспоминается «Нашествие кентавров» с фронтона храма Зевса в Олимпии. Пьяные, распаленные кентавры врываются на благородное празднество, но вмешивается суровый Аполлон, хранитель традиционной культуры, дабы вразумить и выдворить нежеланных гостей. Барельеф производит сильное впечатление, символизируя пугающий опыт в истории любой цивилизации – радикальный разрыв культуры, борьба непримиримых жизненных концепций. И в этой схватке победа не всегда остается за Аполлоном. <...>

Пусть молодежи нового поколения недостанет выносливости начать эпохальную трансформацию (как первым христианам. – *Прим. В. Д.*), но не надо заблуждаться на их счет – желают они именно это-

го. «Полный отказ» – фраза, с готовностью слетающая с их губ зачастую до того, как в их голове возникнет хотя бы смутный образ новой культуры, призванной вытеснить старую. <...>

<...> С самого начала хочу четко обозначить свою точку зрения: я верю, что молодые кентавры, несмотря на свои дурачества, заслуживают победы в схватке с Аполлоном – защитником устоев, либо традиционная культура, против которой они выступают, смертельно и заразно больна. Основной симптом этой болезни – тень термоядерного уничтожения, под которой мы все съежились. Контркультура поднялась в контексте абсолютного зла, определяемого не просто существованием, но всем этосом бомбы, с каковым монолитно – и с большим рационализмом – срослись наша политика, общественная мораль, экономика и интеллектуальная деятельность. Мы – цивилизация, твердо ориентированная на геноцид, играющая в сумасшедшую азартную игру вселенского уничтожения нашего вида. А как неистово мы насилуем собственное чувство гуманизма, чтобы притвориться хотя бы на день, что подобный ужас можно принять как «норму» и «необходимость»! Всякий раз, как нам захочется квалифицировать, модифицировать, сказать осторожное «да, но...» протестам молодых, давайте будем возвращаться к названному факту как к исчерпывающему критерию криминальной сути технократии, к пределам, в которых она утверждает – во имя прогресса и разума, – что немыслимое стало мыслимым и нетерпимое стало терпимым.

Если контркультура является, как я утверждаю, здоровым инстинктом, заставляющим людей отказываться – и на личном, и на политическом уровне – практиковать хладнокровное насилие над человеческими чувствами, тогда ясно, почему нынешний конфликт молодежи и старшего поколения оказался особенно глубоким и болезненным. В критической исторической ситуации беспрецедентных пропорций мы оказались странным культурно-специфическим животным, чей биологический стимул к выживанию выражается *поколенчески.* Молодые приходят с глазами, способными видеть очевидное; им предстоит переделать смертоносную культуру старших, и для этого им надо отчаянно поспешить. <...>

А наша отринувшая идеалы предков молодежь – как характеризовать контркультуру, которую они клепают на скорую руку? На этот вопрос нельзя ответить манифестом, единодушно поддержанным оп-

позиционной молодежью: контркультура пока не настолько дисциплинированное движение. В ней есть что-то от средневекового крестового похода – пестрая процессия, по пути она обрастает новыми последователями и теряет старых. Достаточно часто контркультура находит самовыражение в туманных символах или песнях, и в них мало о чем поется, кроме «мы особенные... мы иные... мы навсегда уходим от разложившегося старого мира». Некоторые примыкают к движению ненадолго, повоевать: учинить беспорядки в кампусе, выступить против войны, пройтись с демонстрацией против расовой дискриминации. Другие просто ходят с маленьким флажком против бесчеловечности технократии; ну, может, значок приколют с надписью «Человек: не мять, не прокалывать и не рвать». Остальные, бесповоротно отрезав себя от общества, не видят иной возможности, кроме как следовать по избранному пути до самой земли обетованной. Отдельные реформы и небольшие перемены не заставят их вернуться в общество, отвергнутое раз и навсегда. <...>

На первый взгляд может показаться, что пестрое молодежное диссидентское движение связано с контркультурой значительно меньше, чем я утверждал. В нем выделяется шокирующий богемианизм битников и хиппи и твердолобый политический активизм студенческого нового левого движения. Разве перед нами не два отдельных, противоположных направления – первое, восходящее к Гинзбергу[2], Керуаку[3] и др., выступает за «уход» от американского общества, а второе, восходящее к Ч. Райту Миллсу[4] и остаткам старого левого социалистического крыла, ставит целью внедриться и революционизировать американскую политическую жизнь?

Конечно, между этими течениями есть определенное напряжение, но я думаю, что на более глубоком уровне эти составляющие объединяет некая тема, что объясняет, почему хиппи и студенческие активисты продолжают считать друг друга союзниками. Конечно, у них общий враг, против которого они объединились, но есть и несомненная схожесть восприятия.

Объединяет эти два разных направления диссидентства крайний персонализм. <...>

Но тогда возникает вопрос: а что такое человек? Что главное в неуловимой, зачастую непостоянной человеческой сути, лежащей в основе социальных систем и идеологий, которая должна служить аб-

солютным моральным эталоном? Стоит поднять этот вопрос, как политика социальной системы уступает, по выражению Тимоти Лири[5], «политике нервной системы». Классовое сознание как генеративный принцип уступает... сознанию *сознания*. Именно в этой точке соединяются новые левые и богемные битники и хиппи. Даже в своих злейших карикатурных проявлениях богемная часть молодежной культуры не утрачивает своего особого характера, в основе которого интенсивное самопознание и исследование неоткрытых сокровищ личностного сознания. Стереотипный битник или хиппи – это деклассированный, поглощенный собой тип, впавший в наркотический ступор или погруженный в экстатическое созерцание. Что кроется за этим популярным имиджем, как не подлинный, пусть временами комичный или безнадежно неадекватный поиск сути личности?

Презирающая условности богема, возможно, слишком отдалена от общественной деятельности, чтобы это понравилось новым левым радикалам, но направление их самоустранения активисты готовы понять. Это «путешествие» вглубь себя, вглубь самопознания. Легкий переход из одного политического крыла в другое в контркультуре сделался возможным благодаря системе, сложившейся во многих свободных университетах. Вначале диссидентские академии, получив добро от кампусных левых студентов, делают упор на политику. Но постепенно учебный план разваливается как по содержанию, так и по методам обучения: начинаются психоделики, световые шоу, аудиовизуальное оборудование, «тотальный театр»[6], объединение студентов в большие группы, Маклюэн[7], экзотические религии, прикосновения нежности, лаборатории экстази... Подобную трансформацию можно наблюдать в карьере Боба Дилана[8], который пользуется авторитетом у всех сегментов молодежной контркультуры. Ранние песни Дилана представляли собой традиционный фолк, поднимавший злободневные проблемы социальной справедливости и содержавший протест против властей, войн и эксплуатации. Затем Дилан вдруг пришел к выводу, что традиционные баллады Вуди Гатри[9] «достают» недостаточно глубоко, и его песни стали сюрреалистическими и психоделическими. Неожиданно Дилан оказался ниже логического мозга социального дискурса, исследуя глубины ночных кошмаров и пытаясь добраться до переплетенных корней поведения и мотиваций. На этом этапе проект, который приняли битники начала пятидесятых, – переделка себя,

своего образа жизни, своего восприятия и реагирования – вышел на первый план, отодвинув задачи смены власти или политического курса.

Примечания

[1] Ортега-и-Гассет Х. Человек и кризис / пер. Милдред Адамс. Лондон : Аллен и Ануин, 1958. С. 45.

[2] Аллен Гинзберг (1926 – 1997) – американский журналист, поэт, основатель движения битников.

[3] Керуак Джек (1922 – 1969) – американский писатель, поэт, важнейший представитель литературы «бит-поколения».

[4] Чарльз Райт Миллс (1916 – 1962) – американский социолог, публицист, один из основоположников леворадикального направления в западной социологии.

[5] Тимоти Лири (1920 – 1996) – американский писатель, психолог, участник кампании по исследованиям психоделических препаратов.

[6] «Тотальный театр» – метод обучения, в котором все элементы театра считаются равно важными и ценными – музыка, текст, изображение и т. д.

[7] Маршал Маклюэн (1911 – 1980) – американский культуролог, автор работ про медиакоммуникации.

[8] Боб Дилан (род. 1941) – американский автор-исполнитель, художник, писатель, киноактер.

[9] Вуди Гатри (1912 – 1967) – американский певец, музыкант, представитель направлений фолк и кантри.

Вопросы и задания

1. Какая часть общества является носителем контркультуры, по мнению автора? Какие конкретные течения контркультуры указывает автор?

2. Какие характерные черты контркультуры выделяет Т. Рошак? Чему противостоит контркультура?

3. Какие отрицательные черты американского общества, против которых выступала молодежь, называет Т. Рошак?

4. Как Т. Рошак относится к контркультуре и ее носителям?

4.2. Молодежные субкультуры

И. Н. Логвинов, М. И. Логвинова, Т. И. Логвинова
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР ДОСУГОВОЙ И УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
(Извлечение)

В классических теориях под молодежными субкультурами понимались молодежные меньшинства, относительно независимые течения, имеющие стилистические различия, отражающие изменения классовой структуры. В рамках этих теорий изучались стиль одежды, манера поведения, язык, атрибуты субкультуры. Однако это направление ограничивалось классовым подходом, рассмотрением субкультур с позиций девиантных или делинквентных бунтов молодежи против общепринятых норм. Процесс зарождения массовых субкультур за рубежом приходится на середину прошлого века. Но большинство субкультур, популярных тогда (стиляги, битники, моды и др.), сегодня потеряло актуальность. То первоначальное представление о субкультурах критикуется современными учеными. Они указывают на то, что современные субкультуры стали более проницаемыми, текучими по сравнению со своими прародителями. Сейчас молодые люди могут одновременно относиться к нескольким субкультурам. Хотя еще сохраняются противоречия и традиционные конфликты между некоторыми субкультурами (например, скинами и рэперами). <...>

Дать единое всеобъемлющее определение понятия «субкультура» сложно. Отчасти это связано с тем, что данное понятие поразному интерпретируется в разных научных областях.

Субкультуру можно определять через ее специфические свойства. Так, социолог И. М. Сотников считает, что для любой субкультуры обязателен следующий набор характерных черт:

– наличие своеобразных норм, ценностей, мировосприятия, что часто приводит к нонконформизму входящих в данную субкультуру;

– специфический стиль жизни и поведения;

– наличие внешней атрибутики, проявляющейся в одежде, украшениях, манерах, жаргоне и т. п.;

– наличие более или менее явного инициативного центра, генерирующего идеи. <...>

Общеупотребительно следующее представление о субкультуре. Это общность людей, чьи убеждения, взгляды на жизнь и поведение отличны от общепринятых или просто скрыты от широкой публики, что отличает их от более широкого понятия культуры, ответвлением которой они являются.

Анализируя разные позиции, можно заметить, что понятие «субкультура» рассматривают в узком и широком значении. Так, субкультура в широком понимании этого слова представляет любую общность людей, объединенную сходными интересами, ценностями, стилем поведения и т. д. В узком понимании субкультура рассматривается как некая элитарная культура.

Мы будем придерживаться следующего определения молодежных субкультур. Молодежная субкультура – это молодежное сообщество, обладающее достаточно разработанными системами идентифицирующих признаков: самоназванием, системой ценностей, обычаями, нормами, имиджем, стилем поведения, эстетическими предпочтениями.

Примечательно, что мы говорим именно о молодежных субкультурах, а не о субкультурах зрелого или пожилого возраста. Это определяет специфику исследования данного феномена. Во-первых, именно в подростковом и юношеском возрасте происходит оформление системы ценностей человека и одновременно наиболее ярко выражена тенденция к объединению по интересам. Но становление субкультур в нашей стране пришлось на коренной перелом основ нашего общества. Поэтому неудивительно, что молодежные субкультуры отличаются от общепринятого культурного контекста в обществе. Во-вторых, молодые люди в основном являются учащимися, студентами, они социально зависимы от родителей, не являются полностью самостоятельными членами общества. В-третьих, молодежные субкультуры могут существовать в разных формах – от небольших неформаль-

ных групп до массовых движений. В-четвертых, молодежь занимает специфическое положение в системе общественных отношений, ориентированных на материальное и духовное производство. Современная молодежь потеряла интерес к труду, да и к жизни в целом. Об этом свидетельствует статистика самоубийств, преступности в среде молодежи. <...>

<...> Цель нашего исследования – изучение ценностных ориентаций представителей молодежных субкультур. Объектом исследования выступили ценностные ориентации молодежи. Предметом исследования являются ценностные ориентации представителей молодежных субкультур. Гипотеза исследования: принадлежность к молодежной субкультуре является одним из факторов, детерминирующих ценностные ориентации ее представителей. Методический блок исследования включил в себя наблюдение, метод экспертных оценок, анкетирование, беседу, методику М. Рокича «Ценностные ориентации», методику диагностики ценностных ориентаций личности Е. Б. Фанталовой.

Базу исследования составили представители молодежи в возрасте от 11 до 25 лет в количестве 128 человек. Среди них учащиеся школ города Курска, студенты курских вузов. Эмпирическое исследование проводилось в два этапа. На первом этапе нами были выявлены и изучены представители субкультур досуговой направленности (футбольные болельщики, рокеры, геймеры, анимешники). На втором этапе нами были отобраны и изучены представители молодежных субкультур учебно-профессиональной направленности.

Для начала приведем результаты изучения молодежных субкультур досуговой направленности. <...> Общий объем выборки представителей молодежных субкультур досуговой направленности составил 89 человек.

Результаты, полученные при изучении ценностных ориентаций представителей молодежных субкультур досуговой направленности, представлены в табл. 1. Проанализируем полученные данные.

Таблица 1

Ценностные ориентации представителей молодежных субкультур

Ценности	Субкультура		
	Геймеры	Анимешники	Рокеры
Активная деятельная жизнь	5	12	6
Здоровье	2	5	5
Личные интересы	3	7	10
Красота	12	10	12
Любовь	6	3	8,5
Материальная обеспеченность	10	9	11
Уверенность в себе	8	11	4
Познание	9	8	8,5
Свобода	7	6	7
Друзья	4	1	3
Семья	1	2	1
Творчество	11	4	2

Согласно табл. 1 наиболее значимые ценности для школьников, увлекающихся аниме, следующие: на первом месте у них находятся друзья, далее в порядке уменьшения значимости семья, любовь и творчество. Менее значимыми для представителей данной группы являются такие ценности, как свобода и здоровье. В качестве нейтральных для себя школьники, увлекающиеся аниме, выделили следующие ценности: личные интересы, познание (в учебе), материальную обеспеченность. Респондентами были отвергнуты такие ценности, как красота, уверенность в себе, активная деятельная жизнь.

Согласно данным из табл. 1 респонденты, увлекающиеся рок-музыкой, в разряд значимых для себя отнесли следующие ценности: семья (ранг 1), творчество (ранг 2), друзья (ранг 3), уверенность в себе (ранг 4). Нейтральными ценностями для представителей рокерской субкультуры являются здоровье (ранг 5), активная деятельная жизнь (ранг 6), свобода (ранг 7). Промежуточное положение между нейтральными и отвергаемыми ценностями занимают познание (учеба) и любовь (ранг 8,5). Респондентами данной группы отвергаются такие ценности, как личные интересы (ранг 10), материальная обеспеченность (ранг 11), красота (ранг 12).

Согласно полученным эмпирическим данным, очень значимыми ценностями геймеры назвали семью, здоровье, личные интересы. Та-

кие ценности, как друзья, активная деятельная жизнь и любовь, оказались также значимыми, но менее предпочитаемыми. Свобода, уверенность в себе, познание (в учебе) и материальная обеспеченность были отнесены респондентами к незначимым ценностям. В качестве отвергаемых выступили такие ценности, как творчество и красота.

Давая качественный анализ полученным данным, отметим, что можно выделить отдельные ценности, являющиеся значимыми для представителей всех субкультур (например, друзья, семья). Вместе с этим можно выделить ценности, которые являются значимыми в рамках конкретной субкультуры. Например, личные интересы для геймеров, любовь для анимешников, уверенность в себе для рокеров.

Эту специфику можно объяснить исходя из особенностей самой субкультуры, а точнее, исходя из ее знаковых и поведенческих признаков (Т. Б. Щепанская), то есть ее ментальности, символики, культурного кода, картины мира. Так, мы видим, что творчество выступает в качестве значимой ценности для представителей аниме и рок-культуры, но отвергается геймерами. На наш взгляд, это связано с тем, что творчество составляет неотъемлемую часть жизни представителя рокерской субкультуры (как известно, рокеры обычно не только слушают музыку, но и играют на музыкальных инструментах, пишут песни, создают собственные группы). То же самое можно сказать и про анимешников. Представители этой субкультуры не только смотрят соответствующую видеопродукцию, но и делают собственные переводы, пробуют себя в создании манг, участвуют в костюмированных представлениях, для которых самостоятельно готовят образ. Геймерская субкультура такого открытого творческого «крена» не имеет.

Интересно отношение респондентов к ценности «уверенность в себе». Для рокеров она является значимой, для геймеров не имеет решающего значения, а для анимешников вообще стоит в ряду отвергаемых. Можем предположить, что рокерам их принадлежность к субкультуре позволяет добиться не только самовыражения, но и самоутверждения, обретения внутреннего равновесия, а субкультура аниме такой функции не несет. <...>

Как мы отмечали ранее, молодежные субкультуры могут иметь не только досуговую направленность, но и учебно-профессиональную. Далее мы проанализируем ценностные ориентации представителей мо-

лодежной субкультуры футбольных болельщиков и представителей студенческого психологического клуба «Бумеранг», действующего на базе ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет». Психологический клуб «Бумеранг» мы рассматриваем как своеобразную субкультуру, так как он отвечает всем основным критериям, изложенным в определении понятия «молодежная субкультура», приведенном нами ранее. Объем выборки футбольных болельщиков составил 23 человека, также было исследовано 16 членов психологического клуба «Бумеранг».

Проанализируем терминальные ценности указанных групп, представленных в табл. 2. Охарактеризуем терминальные ценности представителей молодежной субкультуры футбольных болельщиков.

Таблица 2

Терминальные ценности представителей молодежных субкультур

Терминальные ценности	Ранг (болельщики)	Ранг (клуб)
Активная деятельная жизнь	7	4
Жизненная мудрость	12	12
Здоровье	1	2
Интересная работа	11	6
Красота природы и искусства	16	17
Любовь	2	3
Материально обеспеченная жизнь	14	16
Наличие хороших и верных друзей	5	5
Общественное признание	15	14
Познание	8,5	10
Продуктивная жизнь	8,5	7,5
Развитие	4	7,5
Развлечения	17	18
Свобода	10	15
Счастливая семейная жизнь	3	1
Счастье других	13	13
Творчество	18	11
Уверенность в себе	6	9

Согласно данным, представленным в табл. 2, очень значимыми для респондентов указанной группы являются такие ценности (в порядке уменьшения значимости), как здоровье, любовь как духовная и физическая близость с любимым человеком, а также развитие.

Значимыми для представителей молодежной субкультуры футбольных болельщиков можно считать следующие ценности: наличие хороших и верных друзей (ранг 5); далее находится уверенность в себе; затем располагается активная деятельная жизнь; познание; продуктивная жизнь. Причем последние две ценности имеют одинаковый ранг – 8,5.

В следующую группу были отнесены нейтральные для исследуемых ценности. В данной группе оказались такие ценности, как свобода, интересная работа, счастье других, материально обеспеченная жизнь.

В последнюю группу были отнесены ценности, являющиеся отвергаемыми со стороны представителей молодежной субкультуры футбольных болельщиков. В данной группе оказались следующие ценности: общественное признание, красота природы и искусства и развлечения. Примечательно, что последнее место в иерархии ценностей футбольных болельщиков занимает творчество.

Проанализируем теперь структуру терминальных ценностей членов психологического клуба «Бумеранг». Первую группу составляют ценности, являющиеся очень значимыми для респондентов. Перечислим эти ценности, располагая их в порядке уменьшения значимости: счастливая семейная жизнь, здоровье (физическое и психическое), любовь, активная деятельная жизнь.

Далее в иерархии ценностных ориентаций респондентов располагаются ценности, являющиеся для них значимыми. Это наличие хороших и верных друзей, интересная работа. Сюда же относятся продуктивная жизнь и развитие, которые имеют одинаковый ранг (7,5), а также уверенность в себе.

Следующую группу составляют ценностные ориентации, выступающие для представителей данной молодежной субкультуры в качестве нейтральных. Сюда входят познание, творчество, жизненная мудрость, счастье других, общественное признание.

Последнюю группу составляют ценности, являющиеся для респондентов отвергаемыми. В данную группу ими были отнесены такие ценности, как свобода, материально обеспеченная жизнь, красота природы и искусства. Последнее место в иерархии ценностей испытуемых занимают развлечения.

Проведя качественный анализ полученных данных, можно констатировать, что в указанных группах, несмотря на их существенные различия в регуляторном, поведенческом и мотивационном компонентах, присутствуют существенные сходства. Так, очень значимыми ценностями в обеих группах выступают здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь. Несколько ценностей и вовсе имеют равный ранг (наличие хороших и верных друзей, счастье других).

Однако существуют и значительные различия. Примечательно, что они в большей степени характерны для значимых и нейтральных ценностей, а не для очень значимых или отвергаемых. Например, для членов психологического клуба значительно важнее интересная работа, а для футбольных болельщиков – свобода. Мы считаем, что эта специфика также объясняется особенностями субкультуры. <...>

Поддержка и распространение определенной субкультуры должны исходить из запросов общества и государства – какие ценности являются приоритетными для них. Современные ценностные ориентиры государства изложены в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». Здесь указывается, что «современный национальный воспитательный идеал – это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации».

Вопросы и задания

1. Какие определения субкультуры дают авторы в своей статье?
2. Какие выделяются атрибуты (характерные признаки) субкультур?
3. Почему субкультуры наиболее распространены в среде молодежи? Вы можете использовать информацию из статьи, а также можете высказать свои собственные предположения.
4. Перечислите все субкультуры, которые исследовали авторы в данной статье.
5. Выберите из субкультур, изученных в статье, ту, которая вам больше всего нравится (интересна, близка), и ту, которая вам меньше всего нравится (не интересна, не соответствует вашему мировоззрению). Используя данные таблиц и текст статьи, охарактеризуйте ценности этих субкультур.

Глава 5. ДИНАМИКА И ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР

5.1. Дж. Вико о развитии наций

Дж. Вико
ОСНОВАНИЯ НОВОЙ НАУКИ ОБ ОБЩЕЙ ПРИРОДЕ НАЦИЙ
(Извлечение)

Книга IV. О поступательном движении, совершаемом нациями
Введение

<...> Мы в этой Книге Четвертой дополнительно рассмотрим *поступательное движение, совершаемое нациями*, проследив единообразное постоянство этого движения вперед во всех многочисленных и разнообразных обычаях Наций на основании Деления на *три века*, которые, как говорили Египтяне, протекли в мире до них, т. е. Деления на век Богов, век Героев и век Людей: ведь мы видим, что соответственно этому делению нации в постоянном и никогда не нарушаемом порядке причин и следствий всегда проходят через три вида Природы, и что из этих трех видов природы вытекают три вида Нравов, и что из этих трех видов нравов вытекают три вида Естественного Права Народов, а соответствующие этим трем видам права устанавливаются три вида Гражданского состояния, т. е. Государств; и чтобы людям, достигшим Человеческого Общества, было возможно сообщать друг другу все эти названные три вида величайших вещей, образовались три вида языков и столько же видов Характеров, и что ради утверждения последних возникли три вида Юриспруденции, сопровождаемые тремя видами Авторитета, и столькими же видами Понимания Права, и столькими же видами Суда; эти Юриспруденции существовали в течение трех Типов Времен, которые пронизывают все поступательное движение в жизни Наций. <...>

Три вида природы

Первая Природа в результате сильнейшего обмана фантазии, которая тем могущественнее, чем слабее рассудок, была природой поэтической, т. е. творящей, – да позволено нам будет сказать – божественной: она приписывала телам бытие Божественных одушевлен-

ных субстанций, причем она приписывала их соответственно своей идее. Эта природа была природой Поэтов-Теологов, самых Древних Мудрецов у всех Языческих Наций, когда все языческие нации основывались на той вере, что каждая из них имеет определенных, своих собственных Богов. С другой стороны, эта природа была дика и бесчеловечна; но в силу того же самого заблуждения фантазии люди до ужаса боялись ими же самими выдуманных Богов. От этого сохранились два следующих вечных свойства: во-первых, что религия является единственным могущественным средством для обуздания дикости народов; во-вторых, что с Религиями дело обстоит благополучно тогда, когда стоящие во главе сами им всецело поклоняются.

Вторая Природа была Героической; Герои приписывали ей божественное происхождение; думая, что все делают Боги, они самих себя считали сыновьями Юпитера, ибо они были порождены его ауспициями; совершенно правильно в таком Героическом происхождении они видели основание естественного благородства: ведь будучи, по видимости, людьми, они были в то же время Князьями Рода Человеческого. Этим естественным благородством они гордились перед теми, кто от Гнусной скотской Общности ради спасения от драк, порождаемых этой Общностью, укрывался впоследствии в их Убежища; этих Безбожных пришельцев Герои считали скотами <...>. Третьей была Природа человеческая, разумная, а потому умеренная, благосклонная и рассудочная; она признает в качестве законов совесть, разум и долг.

Три вида нравов

Первые Нравы, появившиеся сейчас же после Потопа, были окрашены религией и благочестием, как нам рассказывают о Девкалионе и Пирре. Вторые были гневливы и щепетильны, – о таких нравах нам рассказывают, говоря об Ахилле. Третьи – услужливы, ими руководило чувство гражданского долга.

Три вида естественного права

Первое Право было Божественным, когда люди думали, что и сами они, и все к ним относящееся зависит от Богов на основе того мнения, что все было Богами или все делали Боги.

Вторым было Героическое право, т. е. Право Силы, но сдерживаемой Религией, которая одна лишь может поставить определенные границы силе там, где нет человеческих законов, или, если они и существуют, где их недостаточно, чтобы обуздать силу. Поэтому Провидение установило, чтобы первые народы, дикие по самой своей природе, были слепо убеждены в такой Религии и находили естественное успокоение в Силе, и чтобы они, неспособные еще повиноваться Разуму, считали правом Судьбу, с которой они советовались при помощи Предсказаний в виде ауспиций. Такое Право силы – право Ахилла, полагающего все его основание в острие своего копья.

Третье – Человеческое Право, продиктованное совершенно развитым Человеческим Разумом.

Три вида правлений

Первыми были Божественные Правления, как сказали бы Греки, – «Теократические»; тогда люди верили, что все решительно приказывают Боги; это был век Оракулов – самого древнего из всего того, о чем мы читаем в Истории.

Вторыми были Правления Героические, т. е. аристократические, иными словами – правления Оптиматов (в смысле «сильнейших»), или же, по-гречески, Правления Гераклидов, т. е. вышедших из расы Геракла (в смысле «Благородных»): первоначально они были рассеяны по всей Греции, позднее сохранились в Спарте; а также правления Куретов, которых Греки наблюдали рассеянными по Сатурнии (Древней Италии), по Криту и Азии, – отсюда у Римлян правления Квиритов, т. е. Жрецов, вооруженных в публичном собрании. Во времена этих Правлений, вследствие отличия более благородной природы, как мы сказали выше (так люди верили в ее божественное происхождение), все гражданские права принадлежали замкнутым Правящим сословиям самих Героев; а Плебеям, которым приписывалось скотское происхождение, разрешались только жизненно необходимые потребности и естественная свобода.

Третьи – это Человеческие Правления; при них вследствие равенства разумной природы (подлинной природы человека) все уравнены законами, так как все в них родились свободными в своих городах, т е. в свободных народных государствах, где все люди, или наибольшая их часть, представляют собой законную силу государ-

ства; вследствие этой законной силы они и оказываются Господами народной свободы; в Монархиях же Монархи уравнивают всех подданных своими законами, и поскольку в руках одних Монархов находится вся вооруженная сила, постольку они одни отличаются по своей гражданской природе.

Три вида языков

Три вида Языков: первым был божественный умственный язык посредством немых религиозных движений, т. е. божественных церемоний. <...> Этот язык подобает Религиям на основании того вечного свойства, что для них важнее то, чтобы их почитали, чем то, чтобы рассуждали о них. Он был необходим в те первые времена, когда языческие люди не умели еще артикулировать речь.

Второй язык был языком героических знаков: на нем говорили посредством гербов, и эта речь, как мы говорили выше, сохранилась в Военной науке.

Третий – это Разговорный язык, ныне у всех наций артикулированный.

Вопросы и задания

1. Найдите с помощью интернет-ресурсов биографические сведения о Дж. Вико.
2. Какие три периода выделяет Дж. Вико в развитии наций?
3. Составьте таблицу, в которой были бы отражены эти три периода и их характерные особенности.

5.2. Э. Тоффлер о волнах цивилизаций

Э. Тоффлер
ТРЕТЬЯ ВОЛНА
(Извлечение)

Столкновение волн
Глава 1. Сверхборьба

Новая цивилизация зарождается в наших жизнях, и те, кто не способен увидеть ее, пытаются подавить ее. Эта новая цивилизация несет с собой новые семейные отношения; иные способы работать,

любить и жить; новую экономику; новые политические конфликты, и сверх всего этого – измененное сознание. <...>

Начало этой новой цивилизации – единственный и обладающий наибольшей взрывчатой силой факт времени, в котором мы живем.

Это – центральное событие, ключ к пониманию времени, следующего за настоящим. Это – явление столь же глубокое, как и Первая волна перемен, вызванная 10 тыс. лет назад внедрением сельского хозяйства, или как потрясающая Вторая волна перемен, связанная с промышленной революцией. Мы – дети последующей трансформации – Третьей волны.

Мы подыскиваем слова, чтобы описать всю мощь и размах этих необыкновенных перемен. Некоторые говорят о смутном космическом веке, информационном веке, электронной эре или глобальной деревне. Збигнев Бжезинский сказал, что мы стоим перед технотронной эрой. Социолог Дэниэл Белл описывает приход «постиндустриального общества». Советские футурологи говорят об НТР – «научно-технической революции». Я же много раз писал о наступлении «супериндустриального общества». Однако ни один из этих терминов, включая мой собственный, не является адекватным.

Некоторые из этих определений, придавая особое значение какому-либо единственному фактору, не расширяют, а скорее сужают наше понимание. Другие определения статичны, они предполагают, что новое общество может войти в нашу жизнь гладко, без какого-либо конфликта или стресса. Все эти определения далеки от того, чтобы передать всю силу, размах и динамику перемен, надвигающихся на нас, или того напряжения и конфликтов, которые эти перемены влекут за собой.

Человечество ждут резкие перемены. Оно стоит перед глубочайшим социальным переворотом и творческой реорганизацией всего времени. Не различая еще отчетливо этой потрясающей новой цивилизации, мы с самого начала участвуем в ее строительстве. С этим и связан основной смысл написания «Третьей волны».

Вплоть до настоящего времени человечество пережило две огромные волны перемен, и каждая из них в основном уничтожала более ранние культуры или цивилизации и замещала их таким образом жизни, который был непостижим для людей, живших ранее. Первая волна перемен – сельскохозяйственная революция – потребовала

тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна – рост промышленной цивилизации – заняла всего лишь 300 лет. Сегодня история обнаруживает еще большее ускорение, и вполне вероятно, что Третья волна пронесется через историю и завершится в течение нескольких десятилетий. Те, кому довелось жить на нашей планете в этот взрывной период, в полной мере почувствуют влияние Третьей волны на себе.

Разрыв семейных уз, колебания в экономике, паралич политических систем, разрушение наших ценностей – на все это оказывает свое воздействие Третья волна. Она бросает вызов старым властным отношениям, привилегиям и прерогативам вымирающих элит нынешнего общества и создает фон, на котором будет разворачиваться основная борьба за завтрашнюю власть.

Многое в этой возникающей цивилизации противоречит старой традиционной индустриальной цивилизации. Она является одновременно и высокотехнологичной, и антииндустриальной цивилизацией. <...>

Передний фронт волны

Недостаточно, однако, сказать, что изменения, с которыми мы встретимся, будут революционными. Прежде чем мы сможем контролировать или направлять их, нам нужно иметь свежий взгляд, чтобы их обнаруживать и анализировать. Без этого мы безнадежно проигрываем.

Один из новых могущественных способов подойти к данной проблеме можно назвать анализом «фронта волны». Это взгляд на историю как на следующие друг за другом волны изменений и постановка вопроса, куда несет нас передняя кромка каждой такой волны. Такой анализ фокусирует наше внимание не столько на исторических непрерывностях, сколь бы важны они ни были, сколько на дискретности в истории, моментах нарушения непрерывности – нововведениях и точках перерыва. Он обнаруживает основные перемены в момент их возникновения и позволяет на них влиять.

Начиная с очень простой идеи о том, что рост сельского хозяйства был первым поворотным моментом в социальном развитии человека, а индустриальная революция была вторым великим прорывом,

этот анализ рассматривает их как волну перемен, движущуюся с определенной скоростью, а не как дискретные одноразовые явления.

До наступления Первой волны перемен большинство людей жило внутри небольших, часто мигрирующих групп, которые занимались собирательством, рыбной ловлей, охотой или скотоводством. В какой-то момент, примерно 10 тыс. лет назад, началась сельскохозяйственная революция, которая постепенно распространилась по всей нашей планете и полностью изменила сельский образ жизни.

Эта Первая волна перемен все еще не исчерпала себя к концу XVII в., когда в Европе внезапно возникла индустриальная революция и началась вторая великая волна планетарных перемен. Этот новый процесс – индустриализация – гораздо быстрее начал двигаться по странам и континентам. Таким образом, два отдельных, явно отличающихся друг от друга процесса перемен распространялись по земле одновременно, но с разной скоростью.

Сегодня Первая волна фактически угасла. Лишь очень немногочисленным племенным сообществам, например в Южной Америке или Папуа – Новой Гвинее, еще предстоит быть вовлеченными в сельскохозяйственную деятельность. Однако силы этой великой Первой волны в основном уже истрачены.

Тем временем Вторая волна, революцинизировавшая в течение нескольких столетий жизнь в Европе, Северной Америке и некоторых других частях земного шара, продолжает распространяться, поскольку многие страны, бывшие до того по преимуществу сельскохозяйственными, изо всех сил стараются строить сталелитейные заводы, автомобильные заводы, текстильные предприятия и предприятия по переработке продуктов питания, а также железные дороги. Момент индустриализации еще ощутим. Вторая волна еще не окончательно утратила свои силы.

Хотя этот процесс еще продолжается, положено начало другому, еще более важному процессу. Когда прилив индустриализма достиг своего пика в период после окончания Второй мировой войны, по земле начала двигаться мало кем понятая Третья волна, трансформирующая все, чего бы она ни коснулась.

Поэтому многие страны одновременно чувствуют влияние двух или даже трех совершенно разных волн перемен, причем все они движутся с разной скоростью и несут в себе разную силу.

В этой книге мы будем рассматривать эру Первой волны как начавшуюся около 8 тыс. лет до н. э. и безраздельно господствовавшую по всей Земле примерно до 1650 – 1750 гг. н. э. Начиная с этого времени, Первая волна утратила свою движущую силу, тогда как Вторая волна набирала мощь. Индустриальная цивилизация, производное этой Второй волны, стала доминировать на нашей планете, пока и она не дошла до своего гребня. Эта исторически последняя точка поворота достигла Соединенных Штатов в период, начавшийся примерно в 1955 г., – в том десятилетии, когда впервые количество «белых воротничков» и работников сферы обслуживания стало превышать число «синих воротничков». Это было то самое десятилетие, которое стало свидетелем широкого внедрения компьютеров, доступных путешествий на реактивных самолетах, таблеток-контрацептивов и многих других высокозначимых нововведений. Именно в этом десятилетии Третья волна начала наращивать свои силы в Соединенных Штатах. Впоследствии она достигла (в различные сроки) большинства других индустриальных стран, в том числе Великобритании, Франции, Швеции, Германии, Советского Союза и Японии. В наши дни все страны, обладающие высокими технологиями, страдают от коллизии между Третьей волной и устарелыми, отвердевшими экономикой и учреждениями Второй волны.

Понимание этого является ключом, придающим смысл многим политическим и социальным конфликтам, которые мы наблюдаем вокруг себя.

Вопросы и задания

1. Как вы поняли, что Э. Тоффлер называет «волнами»?
2. Когда началась Первая волна и когда она стала терять свою силу? В чем была сущность Первой волны?
3. Когда началась Вторая волна и как она распространялась? В чем была сущность Второй волны?
4. Когда впервые была издана работа Э. Тоффлера «Третья волна»? В каком государстве жил Э. Тоффлер? Когда, по его мнению, в этом государстве началась Третья волна?
5. Каковы характерные черты Третьей волны? Какие проблемы она вызвала в обществе?

Глава 6. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

6.1. Межкультурное восприятие

Н. К. Иконникова

МЕХАНИЗМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВОСПРИЯТИЯ

(Извлечение)

<...> Формирование навыков межкультурной коммуникации начинается уже в детском возрасте, когда, общаясь со взрослыми и сверстниками, слушая народные сказки или смотря «Тома и Джерри», ребенок приобщается к ценностям культуры, представлениям о нормах поведения и взаимоотношений <...> и развивается по мере накопления и усвоения жизненного опыта. Попадая в незнакомую культуру, человек оказывается в ситуации, когда привычные способы и нормы поведения могут быть неприемлемыми или по крайней мере неэффективными.

На основании многочисленных полевых исследований западными специалистами по коммуникации культур было выделено шесть типов реакции на другую культуру и ее представителей. <...>

Обычной реакцией советского человека на межкультурные различия была их *минимизация* – достаточно продвинутый по зарубежным меркам способ восприятия других культур. Ее характерными признаками являются признание возможности существования инокультурных ценностей, норм, форм поведения (как в лице Запада, который постоянно выступал в качестве «антитезы» советской культуре, образу жизни и мышления, так и в лице множества национальных и автономных культур народов Союза). <...>

Сегодня ситуация заметно изменилась. Новые принципы социальных отношений, основанные на конкуренции, индивидуализме, экономической рациональности, заставляют видеть в представителе другой культуры в первую очередь соперника. К сожалению, произошло резкое снижение уровня восприятия межкультурных различий. <...> Обнаружилась нехватка даже лексических средств, терминов, способных в корректной форме обозначать существующие межнациональные и межрелигиозные различия. Такие выражения, как «наци-

ональные меньшинства» или «лица кавказской национальности», никого не удовлетворяют.

В результате можно констатировать, во-первых, несовпадение динамики межличностного общения с развитием процессов взаимодействия культур на уровне исторически сложившихся «нормативных» социальных и духовных структур. Установление дипломатических, договорных отношений между республиками СНГ, регионами России или бывшими соперниками по «холодной войне» отнюдь не сглаживает неприязнь, проявляющуюся зачастую в личном повседневном общении.

Во-вторых, знания, полученные в прошлом, в системе формального образования, из средств массовой информации и литературы, художественной и научной, часто интегрируются в негативные стереотипы другой культуры, рационализируются в идеях радикального национализма и расизма. <...> Это ведет к проявлению таких реакций, как *отрицание* возможности межкультурных различий, уверенность в том, что все люди в мире разделяют (или обязаны разделять) одни и те же убеждения, установки, нормы поведения, ценности.

Вот характерный пример отрицания существующих между культурами отличий на уровне обыденного сознания. Пожилая русская тогда еще колхозница, прожившая под Ригой не один десяток лет, делится своим недоумением с попутчиками в поезде: «Почему они (соседи-латыши) нас гонят? Мы же к ним со всей душой!.. Хотите огурчик малосольный?» – обращается она к собеседникам. Из кошелки прямо на накрахмаленную салфетку, какие разложены по всем столикам в купе латышками-проводницами фирменного поезда, выкладывается и режется, брызгая рассолом и семечками, огурец... Действительно, неужели белизна салфетки кому-то может быть дороже добродушия, чистосердечия? Или, может, ее чистота и накрахмаленность имеют иной, чем гигиенический и даже эстетический, смысл?

Одно из проявлений отрицания – сепаратизм, т. е. преднамеренное воздвижение физических и социальных барьеров, которое имеет целью установить дистанцию, отделяющую от инокультурных явлений, отгородиться от новой информации, конкретных фактов и более близкого знакомства. К сепаратизму ведут идеологические, расовые и этнические установки, разделяемые обществом религиозные, экономические и политические ценности. Иногда такое отрицание приоб-

ретает демонстративный характер. Таково вошедшее в поговорку нежелание прибалтов и западных украинцев понимать и говорить по-русски. Ярким примером бытового сепаратизма выступает тенденция к образованию территориальных групп и общин, где соседи – непременно одной национальности или этнического происхождения, одной веры или социального положения.

Нужно оговориться, что любая форма реакции или тип восприятия не могут рассматриваться как однозначно и постоянно характеризующие позицию индивида. В поведении одного и того же человека в зависимости от ситуации, стоящих перед ним профессиональных, семейных, творческих задач можно встретить разного типа ориентации и поведенческие установки, изменяющиеся по мере накопления жизненного опыта и знаний. Поэтому когда мы наблюдаем отрицание существования отличных от собственной культур, замыкание, закрытость, можно ожидать, что через какое-то время человеку будет все труднее сопротивляться давлению новых фактов, избегать встречи и тесного, эмоционально окрашенного общения с представителями другой культуры. Его позиция в этом случае модифицируется в *защитную*.

Однако «защита» эта представляет собой поведение достаточно активное и агрессивное. В основе ее – ощущение того, что ценности и обычаи чужой культуры представляют угрозу привычному порядку вещей, мировоззренческим устоям, сложившемуся образу жизни. Реализуется такая защита в утверждении собственного культурного превосходства и очернении других.

Если человек настроен на защиту, то достаточно внешнего сходства или речевого акцента, чтобы сработал стереотип и в адрес встречного раздалось «Понаехали...!», хотя для тех, на кого направлена агрессия, она может представляться совершенно немотивированной. <...>

Часто люди нарочито демонстрируют свою «инаковость», чтобы восстановить или установить культурную дистанцию, сигнализируя таким образом, что партнер по коммуникации недопонимает их намерения и мотивы, упрощает взаимоотношения (т. е. минимизирует действительные различия между культурами). Проявлениями этого являются, в частности, молодежный сленг и стиль одежды и, напротив, «официозность» делового костюма и языка.

Или другой пример. После серии достаточно успешных переговоров ваши японские коллеги при очередном визите в Москву привозят с собой переводчицу в кимоно, с традиционной прической. При этом их собственный стиль одежды ничем не отличается от общепринятой международной манеры вести переговоры. Однако установившееся взаимопонимание – также лишь элемент протокола, форма вежливости, и японцы постарались напомнить об этом своим русским коллегам. Мы аналогично зачастую ставим на видное место самовар или встречаем гостей караваем на рушнике, не отдавая себе отчет в том, что наряду с национальным гостеприимством этот жест является и способом обратить внимание на свою законную национальную самобытность и гордость. <...>

Гораздо реже, по сравнению с описанными выше примерами, встречаются варианты позитивного отношения к межкультурным различиям, когда человек способен *принять* существование другой самобытной культуры, *адаптироваться* к ней. Для этого требуется преодолеть обскурантизм, «идеологию закрытого общества». Адаптация и *интеграция* в чужую культуру основываются не столько на знании языка и обычаев, сколько на личной заинтересованности в понимании ее ценностей и установок, эмоциональном... контакте с ее представителями. Этого легче всего достичь, прожив длительное время в другой, отличной от родной культуре, имея там близких друзей, активно участвуя в общественной жизни или же воспитываясь с детства в дву- и многокультурной среде.

Принципиальное отличие настроя на принятие новой культуры и внутренней потребности в адаптации в нее от того дискомфорта и агрессивности (скрытой или явной), которые свойственны защитной позиции или минимизации межкультурных различий, можно увидеть на примере писем двух студенток, обучающихся временно за рубежом и проживающих в семьях. Первая, слыша постоянно быструю речь на языке, которым она еще не вполне владеет, сталкиваясь с отношениями, к которым она не приучена (вроде персонального счета за обед в ресторане с «приемным папой»), воспринимает ситуацию как недопустимую и стремится избежать ее, переехав в семью соотечественников. Вторая же в схожем положении относится к этому по-другому, она видит возможность быстрее и полнее выучить язык, ближе узнать культуру. Вегетарианский протертый суп, с ее точки

зрения, это может и не совсем то, на что она рассчитывала, но вполне нормально в качестве знакомства с новой кухней.

И тем не менее случаи подлинного взаимопонимания в межкультурном общении крайне редки, поскольку требуют неординарных личных качеств, способности чутко и творчески воспринимать наследие и своей, и иной культур.

Вопросы и задания

1. Какие типы реакций на чужую культуру названы в данной статье?
2. Какие типы реакций на чужую культуру автор считает положительными (или скорее положительными), а какие – отрицательными?
3. Статья Н. К. Иконниковой была написана в 1995 году. Какие исторические события и явления автор приводит в качестве примеров межкультурной коммуникации в своей работе? Каких государств это касается?
4. Примеры коммуникации каких народов упоминаются в тексте (кто с кем взаимодействует)?

6.2. Стереотипы в межкультурной коммуникации

С. В. Григорьева

МИФОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЯХ: ЭФИОПСКАЯ ИМПЕРИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ

(Извлечение)

Человек, воспринимая мир в соответствии с представлениями, отношениями и ценностями, господствующими в его родной культуре, ведет себя в соответствии с ними. Поэтому представления людей о мире всегда относительны и разнообразны. Чтобы понять, почему представитель другой культуры ведет себя именно так и не иначе в определенном культурном контексте, следует прежде всего разобраться, как он воспринимает этот мир, увидеть ситуацию его глазами, представить себе, как работает его восприятие. <...> В процессе межкультурной коммуникации стереотипные представления занимают значительное место. Кроме того, под стереотипом понимаются

устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения. Это своего рода шаблоны, штампы, образцы поведения, принятые в той или иной культуре.

Стереотипы отражают общественный опыт людей, общее, повторяющееся в их повседневной практике. Они формируются в результате совместной деятельности путем акцентирования сознания на тех или иных свойствах окружающего мира, которые хорошо известны, видны или понятны большому числу людей. По своему содержанию стереотипы представляют собой концентрированное выражение этих свойств, наиболее схематично и понятно передающих их сущность. В повседневной жизни наибольшее распространение получили *этнические стереотипы*. Такого рода клише становятся основными детерминантами общения для представителей соответствующих групп.

Темой данной статьи являются мифологизированные образы Эфиопии, распространенные в Российской империи на рубеже XIX – XX веков. <...>

В отечественной периодике конца XIX века внимание читателей акцентировалось на том, что абиссинская культура – древняя, библейская, христианская. Под влиянием материалов газет и журналов, а также издававшихся значительными тиражами дневников и воспоминаний русских путешественников в сознании наиболее образованной части российского общества формировался образ Эфиопии как «таинственной африканской страны, сохранившей первоначальную чистоту христианской веры». В частности, такой взгляд на Абиссинию мы находим в статье «Кто такие абиссинцы?», опубликованной на страницах газеты «Московские ведомости» за 1897 г.: «Культура страны царицы Савской одна из древнейших культур земного шара, из которой в значительной степени получили свое развитие и другие культуры современного человечества... В Абиссинии библейские воззрения столь же прочны, как и воззрения христианские, причем последние сохранились в большей чистоте – в какой они сохранились на православном Востоке». <...>

Такое представление в целом отвечало российским интересам в Восточноафриканском регионе. Авторы публикаций об Эфиопии признавали: хотя эта страна не имеет особых достижений в науке и технике, мало привлекательна для Российской империи с экономической

точки зрения, она, как и Россия, в будущем может быть «потенциальным врагом Англии и нашей естественной союзницей». «Политическая роль России в Абиссинии была ясна... создать Эфиопскую империю как крепость и оплот против Египта, не дать английским колониям в Африке соединиться... Абиссиния – это отвлекающий пластырь в политике, это наблюдательный пост на случай компенсации», – писал в МИД об интересах России в Эфиопии в 1913 г. А. И. Кохановский.

При этом подчеркивалось, что нас объединяет не только политика, но и религия и общность исторического прошлого. Религиозный фактор мог бы стать тем стержнем, опираясь на который Россия могла бы со временем реализовать свои геополитические интересы в районе Африканского Рога. Именно через интерес к братскому христианскому народу, находящемуся в окружении «колониальных держав-хищниц», периодическая печать формировала в российском обществе идею об оказании помощи и поддержки «Стране черных христиан», обосновывала необходимость развития двухсторонних отношений. «Большинство эфиопов, бесспорно, христиане и считают себя близкими к православию», – отмечал в донесении министру иностранных дел России М. Н. Муравьеву от 1 мая 1898 года глава Российской чрезвычайной миссии в Эфиопии П. М. Власов, – этим именно, а ничем другим объясняется известное тяготение их к России и знаки некоторого доверия и дружбы, проявляемые ими лишь в сношениях с русскими. Россия как покровительница православия на Востоке могла бы создать интересы в Эфиопии на почве религии...».

«...Познакомившись с их верой, нравами, обычаями и государственным устройством, ни у кого больше не останется ни малейшего сомнения в том, что абиссинцы – старая культурная раса, хотя и сильно отставшая в своей культуре от Европы вследствие исторических причин. Окружена же она дикарями», – отмечал А. К. Булатович. «...Они глубоко верующие христиане, сохранившие в себе много особенностей древней апостольской церкви». <...>

В свою очередь русский офицер К. С. Звягин подчеркивал апостольский, глубинный характер веры абиссинцев: «Эфиопская цивилизация не выразилась в успехах экономических, в искусстве, литературе и прочем, но отразилась в глубоко христианском складе понятий. Это христианство было не тою личиною и внешней формой, какою оно явилось у латинян и в особенности у кичащихся своей цивилиза-

цией итальянцев – оно глубоко проникло в миросозерцание абиссинца, который упорно стремится жить по заповедям Христовым». Таким образом, в российском общественном сознании формировался образ дружественной страны, близкой по вере и государственному устройству, ищущей помощи и покровительства России. <...>

Формированию дружественного образа Эфиопии способствовала и общность исторического пути двух стран, схожесть политического устройства. А именно: несмотря на доминирующее положение христианства в обеих странах, оно никогда не было единственной религией, поэтому борьба за чистоту веры, за распространение христианства среди подданных была одной из важнейших внутриполитических задач обоих государств. История России – это постоянное расширение на Восток, противостояние со Степью, с печенегами, половцами, монголами, кочевниками Средней Азии, Закавказья, Сибири. То же самое можно сказать и об Эфиопии, стержнем истории которой была многолетняя борьба с враждебным мусульманским окружением. Галассы (оромцы), сидамо, сомалийцы, афары и другие народы, проживающие преимущественно в восточных и южных районах Эфиопии, занимались в основном кочевым скотоводством, исповедовали ислам, который проник в Северо-Восточную Африку уже в VII веке, и далеко не всегда хотели подчиняться эфиопским императорам. Оба государства изначально формировались как полиэтнические и поликонфессиональные, поэтому «национальный вопрос» был важной составляющей внутренней политики, и от его мудрого решения во многом зависели стабильность в обществе и целостность государства.

Говоря об общих исторических чертах развития двух стран, следует отметить формы и методы создания государственности. В условиях крайне слабого развития социально-экономических предпосылок объединения, постоянных длительных междоусобиц и внешней угрозы силовые методы объединения были единственно возможными. Это касается как формирования Московского царства, которое создавалось в основном «огнем и мечом», так и создания единого Эфиопского централизованного государства. «История Эфиопии, – писал в своих дневниках А. К. Булатович, – есть беспрерывная война то с внутренними, то с внешними врагами. Основанием императорской власти может быть только действительная военная сила, и на войске, как на фундаменте, построено все остальное здание Эфиопской империи».

Отсюда военно-феодальный характер государственной власти и особая роль служилого сословия, которое составляло костяк государственного аппарата и было опорой правителя.

Царистские иллюзии также были весьма характерны для обеих стран. И в России, и в Эфиопии правитель (император, негус) воспринимался как носитель верховной власти, «благодетель, защитник интересов народа» и веры. Служение государю понималось не только как непременное условие высокого социального положения и материального благосостояния, но и как священный долг. От правителя ждали защиты, уповали на его честь, благородство, гуманность, политический ум и прозорливость.

Общность исторического пути Российской и Эфиопской империй неоднократно подчеркивалась в работах наших соотечественников и находила выражение в проводимых ими параллелях между определенными периодами российской и эфиопской истории: «По настойчивому стремлению к цивилизации, по глубокому уважению к труду, по удивительной скромности Менелик II был Петром Великим Черного материка, по беспощадной борьбе с феодалами он напоминал Ивана Грозного, более последовательного и менее жестокого», – писал А. И. Кохановский. <...>

«...Только в лице России... Эфиопия могла бы обрести своего защитника, мощный голос коего был один в силах спасти ее от козней и хищнических попыток держав, соседних ей по колониям...», – сказал в ответной речи эфиопский император Менелик II главе Российской чрезвычайной миссии, действительному статскому советнику П. М. Власову на первой аудиенции в Аддис-Абебе 15 февраля 1898 года. <...>

Однако, как показала практика, стереотипы далеко не всегда соответствовали действительности. В большинстве статей в периодических изданиях имела место идеализация эфиопского народа, что соответствовало определенному социальному заказу со стороны российских правящих кругов. Не придавая значения экономической отсталости Эфиопии от европейских государств, российская пресса превозносила патриархальность нравов абиссинцев, их религиозность и приверженность собственной культуре. «Абиссинец и подвластный ему туземец в высшей степени просты, скромны и беспритязательные в жизни, пище, одежде, жилище и духовных запросах. Не зная роско-

ши, утонченного комфорта, не имея даже представления о таковых, они легко и без труда удовлетворяют свои несложные потребности, благодаря щедро рассыпанным дарам природы, в изобилии дающей в этой стране даже тому, кто и посеять поленился. Без преувеличения можно сказать, что абиссинец в полном смысле слова живет как птица Божия, что не знает ни заботы, ни труда».

Нередко желаемое выдавалось за действительное. Наши соотечественники, пробывшие в Абиссинии некоторое время, осознавали, что те представления, которые распространены в России об Эфиопии и об отношении там к русским, не соответствуют реальности. «Призывая русских коммерсантов к торговле с Абиссинией, обыкновенно указывали, – отмечает Ф. Криндач, – на популярность России в Эфиопии, на тяготение этой страны к России, наконец, на единство веры. В этом заключается *громадная ошибка*, которая может привести к печальным результатам. Что касается нашего с ними единоверия, то можно сказать, что сами абиссинцы его не признают, да и его действительно нет... А о популярности русского имени в Абиссинии, о тяготении последней к России скажем по личным наблюдениям, что ни того, ни другого не существует». П. М. Власов писал по этому поводу в записке о следовании российской императорской миссии из Харэра в Аддис-Абебу, о прибытии в последнюю и о встрече, оказанной миссии императором Эфиопии от 15 февраля 1898 г.: «Заканчивая настоящую записку, остается еще констатировать знаменательный факт – полнейшего равнодушия, чтобы не сказать более, со стороны населения Абиссинии, проявленного к русским... Население это не только не принимало никакого участия в торжестве въезда Русской миссии в столицу и в радости, высказанной его императором видеть ее у себя, но даже не интересовалось торжественностью обстановки ее прибытия, встречавшийся на пути процессии народ даже не приостанавливался на минуту... С таким же равнодушием относились к процессии и обитатели домов, расположенных на дороге».

Столкнувшись с абиссинской верой, наши соотечественники со временем понимали, что плодотворное сотрудничество, а тем более объединение двух церквей под эгидой православия вряд ли были возможны, поскольку монофизитство и сохранение множества пережитков язычества в обрядовой жизни эфиопов несовместимы с православными религиозными канонами и устоями. «Понятие “единовер-

ная с Россией Абиссиния” коренится в нашем заблуждении относительно религии этой страны... Так как копты исповедуют ересь, осужденную IV Вселенским Собором, то уже поэтому трудно говорить об Абиссинии как единоверной с Россией стране. Если к этому добавить, что коптская религия настолько преобразовалась в Абиссинии, что приезжающие из Александрии епископы ее собственно не узнают, то окажется, что на деле никакого единоверия нет. Это признают и сами абиссинцы...», – отмечал в своей записке о характере русско-эфиопских отношений в 1906 г. надворный советник Б. Н. Евреинов.

Русские дипломаты и служащие миссии видят серьезные расхождения между православной и абиссинской обрядовой практикой, замечают невежество эфиопского духовенства, пережитки языческих культов, делающих невозможным объединение церквей. В частности, врач миссии А. И. Кохановский писал в 1913 г., что «религиозная жизнь (абиссинцев) весьма сильная верой, бедна содержанием. Духовенство часто не умеет читать. Церкви голы или покрыты изображениями, среди которых встречаются даже изображения чертей. О жизни Христа и его учении знаю очень мало. Церковные облачения, утварь невыразимо убоги. Литографии святых ценятся как богатый дар. Книги церковные часто отсутствуют даже в церквах и полны грубых ошибок, сделанных переписчиками».

Вопросы и задания

1. Как вы поняли, что такое стереотипы в целом и что такое этнические стереотипы?
2. Образ какой африканской страны изучается в статье? Напишите два названия этой страны, которые встречаются в тексте.
3. Какие общие исторические черты можно выделить у Эфиопии и России?
4. Какие стереотипы были у русской интеллигенции и дипломатов на рубеже XIX – XX веков о религии и вере эфиопов? Приведите подходящие цитаты. Подтвердились ли эти стереотипы на практике? Приведите подходящие цитаты.
5. Какой образ Эфиопии и эфиопов создавался в общественном сознании русских людей? Соответствовал ли этот образ действительности? Как воспринимал Россию эфиопский император?
6. Объясните, почему этнические стереотипы не всегда оказываются верными.

Глава 7. МИРОВАЯ КУЛЬТУРА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

7.1. Миф и его роль в культуре

Дж. Дж. Фрэзер
ФОЛЬКЛОР В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ
(Извлечение)

Глава V. Вавилонская башня

Среди проблем, относящихся к древнейшей истории человечества, вопрос о происхождении языка есть один из самых увлекательных и в то же время самых трудных вопросов. Авторы начальных глав книги Бытие, отразившие здесь свои примитивные представления о происхождении человека, ничего не говорят нам о том, каким образом, по их мнению, человек приобрел важнейшую из всех способностей, отличающих его от животных, – способность к членораздельной речи. Напротив, они, по-видимому, представляли себе, что человек обладал этим бесценным даром с самого начала; более того, животные разделяли с ним означенное свойство, если судить по примеру змея, говорившего с человеком в Эдеме. Тем не менее разнообразие языков, на которых говорят различные народы, естественно, привлекало внимание древних евреев, и для объяснения этого явления была придумана следующая легенда.

На раннем этапе существования мира все люди говорили на одном языке. Передвигаясь с востока на запад в виде огромного каравана кочевников, они дошли до великой равнины Сеннаар, то есть до Вавилонии, и здесь обосновались. Они построили себе дома из кирпичей, скрепляя их илом вместо извести, потому что камни попадаются редко в наносной почве этих обширных болотистых равнин. Но, не довольствуясь сооружением города, они вздумали воздвигнуть из того же материала высокую башню, которая доходила бы вершиной до неба. Цель их состояла в том, чтобы прославить свое имя, а также предупредить возможность рассеяния людей по всей земле: если случится кому-нибудь выйти из города и сбиться с пути среди безбрежной равнины, то, если башня к западу от него, он увидит вдалеке на ясном фоне вечернего неба ее огромный темный силуэт, а если она к

востоку от путника – вершину ее, освещенную последними лучами заходящего солнца; это поможет путнику избрать нужное направление; башня послужит ему вехой и покажет обратный путь к дому. План был хорош, но люди при этом не приняли в расчет ревнивую подозрительность и всемогущество божества. Действительно, пока они рьяно работали, бог спустился с неба посмотреть город и башню, которые люди так быстро воздвигали. Богу не понравилось это зрелище, и он сказал: «Вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать». Бог, очевидно, опасался того, как бы люди не вскарабкались по башне на небо и не нанесли бы ему бесчестие в его собственной обители, чего, конечно, никоим образом нельзя было допустить, и он решил, что нужно расстроить план в самом зародыше. «Сойдем же, – сказал он самому себе или своим небесным советникам, – и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого». И бог спустился вниз, смешал их язык и рассеял людей по всему свету. Таким образом, люди перестали строить город и башню. Место это было названо «Бабель», то есть «смешение», потому что «там смешал господь язык всей земли». <...>

Местом действия легенды является Вавилон, ибо слово «Бабель» есть лишь еврейское название этого города. Выводить его от еврейского глагола balal (по-арамейски balbel) – «смешивать» – неправильно. На самом деле слово «Бабель» происходит от встречаемого в надписях вавилонского слова Bab-il или Bab-ilu, что, по-видимому, значит «врата бога». Комментаторы, вероятно, правы, приписывая происхождение сказания тому глубокому впечатлению, которое великий город произвел на простодушных кочевников-семитов, попавших сюда прямо из уединенной и безмолвной пустыни. Они были поражены неумолчным шумом улиц и базаров, ослеплены калейдоскопом красок в суетливой толпе, оглушены трескотней людского говора на непонятных для них языках. Их пугали высокие здания, в особенности огромные террасообразные храмы с крышами, сверкавшими глазурованным кирпичом и упиравшимися, как им казалось, в самое небо. Неудивительно, если эти простодушные жители шалашей представляли себе, что люди, взобравшиеся по длинной лестнице на вершину огромного столба, откуда они казались движущимися точками, действительно, соседствовали с богами.

Обширные развалины двух подобных колоссальных храмов до сих пор еще сохранились в Вавилоне, и не исключено, что к одному из них относится легенда о вавилонской башне. <...>

Библейское предание о вавилонской башне и смешении языков нашло свое отражение также у микиров, одного из многочисленных тибетско-бирманских племен Ассама. Микиры рассказывают, что в стародавние времена жили некие богатыри, потомки Рамы. Не довольствуясь господством на земле, они вздумали завоевать небо и принялись строить башню, которая достигала бы небесного свода. Башня росла все выше и выше, пока наконец боги и демоны не встревожились, боясь, как бы великаны, властители земли, не стали также и властителями неба. Тогда небожители смешали язык человеческий и рассеяли людской род по всем четырем странам света. Отсюда пошли все различные наречия человечества. <...>

Есть немало народов, пытавшихся объяснить разноязычие человеческого рода вне всякой связи с сооружением вавилонской башни или других подобных зданий. Так, например, у греков существовало предание, что в старину люди жили в мире, не имели ни городов, ни законов, говорили все на одном языке и управлялись одним богом – Зевсом. Впоследствии Гермес вел различные наречия и разделил человечество на отдельные народы. Тогда впервые появились раздоры среди смертных, и Зевс, утомленный их распрями, отказался управлять ими и передал свое владычество в руки аргосского героя Форонея, первого царя на земле.

Племя ва-сена (в Восточной Африке) рассказывает, что некогда все народы земли знали только один язык, но однажды во время жестокого голода люди сошли с ума и разбрелись по всем концам земли, бормоча непонятные слова; с тех пор возникли различные человеческие наречия. <...>

Калифорнийские индейцы майду полагают, что до известного времени все люди говорили на одном языке. Но однажды, накануне празднества, когда все приготовления уже были сделаны, вдруг среди ночи люди заговорили каждый на особом языке; только мужья и жены понимали друг друга. Той же ночью создатель, или, как майду его называют, зачинатель, явился одному человеку по имени Куксу, рассказал ему о случившемся и научил, как действовать на следующий

день, когда начнется смешение языков. Руководясь этими наставлениями, Куксу созвал весь народ, ибо умел говорить на всех языках. Он объяснил людям имена различных животных и все прочее каждому на его языке, научил, как варить пищу и охотиться на зверей, дал им законы и установил дни для их плясок и празднеств. Наконец, он дал имена всем племенам и разослал их по разным направлениям, назначив, где кому жить. <...>

Племя киче, обитающее в Гватемале, имело предание о том первобытном времени, когда все люди жили вместе, говорили на одном только языке, не поклонялись деревьям и камням и свято хранили в памяти слова «создателя, сердца неба и земли». Но с течением времени племена размножились и, покинув свою старую родину, собрались в одно место, называемое Тулан. Здесь, по словам предания, распался человеческий язык, возникли различные наречия; люди перестали понимать чужую речь и рассеялись по всему миру в поисках новой родины.

Эти последние легенды, пытающиеся объяснить разнообразие языков, не упоминают вовсе о вавилонской башне и поэтому... могут быть признаны вполне самостоятельными попытками человеческого ума разрешить столь трудную проблему.

Вопросы и задания

1. В каком религиозном источнике (произведении) мы встречаем рассказ о вавилонской башне? Приходилось ли вам читать этот рассказ раньше?
2. Какие народы, по мнению ученых, придумали легенду о вавилонской башне: оседлые или кочевые? Укажите подходящие цитаты в тексте.
3. Находит ли Дж. Фрэзер какое-либо рациональное объяснение легенде о вавилонской башне? Если да, то какое?
4. Какие общие черты мифов о смешении языков можно выделить у разных народов?
5. Сколько вариантов объяснения, почему смешались языки, можно выделить в приведенном тексте? Какие это варианты?

7.2. Античная культура и современность

М. А. Богданова

КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОЛИМПИЗМА: ОТ АНТИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

(Извлечение)

Понятием «олимпизм» в современной культурной традиции обозначают доктрину, положившую начало современному олимпийскому движению, которая была разработана и реализована Пьером де Кубертеном в конце XIX – начале XX в. Принципы олимпизма зафиксированы в Олимпийской хартии, в соответствии с которой олимпизм представляет собой философию жизни, возвышающую и объединяющую в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума человека. Декларируемой целью олимпизма является повсеместное становление спорта на службу гармоничному развитию человека с тем, чтобы способствовать построению нового общества, главной целью которого станет сохранение человеческого достоинства. Для олимпийских интенций характерно соединение спорта с культурой и образованием, формирование образа жизни, основывающегося на радости от усилия, на воспитательной ценности хорошего примера и на уважении ко всеобщим этическим принципам. Олимпизм провозглашает императивную цель олимпийского движения – способствовать построению лучшего мира путем воспитания молодежи средствами спорта без каких-либо форм дискриминации, в атмосфере взаимопонимания и дружбы, солидарности и честной игры. <...>

В основе концепции Кубертена – идея о праве каждого человека на свободное развитие своих способностей. Пространством, обеспечивающим эту свободу, Кубертен считал занятия спортом в сочетании с занятиями искусством и свободным общением между людьми. Он считал, что спорт должен быть открытым для всех желающих, а не только для тех, кто способен показывать в спорте высокие результаты. «Главное не победа, а участие. Велика победа, но более велико благородное соревнование». Этот принцип содержит одну из главных идей олимпизма: целью спорта следует считать не победу над соперником, а победу над собой, выраженную в продвижении к совершенству. Каждый шаг к совершенству – это улучшение соревновательно-

го достижения, и именно в этом подлинная победа, победа над собой прежде всего. <...>

По мнению Кубертена, спортсмен не должен стремиться к установлению рекорда, к победе любой ценой. Он должен отдавать предпочтение честному, благородному поведению в соперничестве, придерживаясь убеждения, что самое главное – не конкретный результат, выразившийся в очках, секундах или метрах, а отвага, мужество, проявляемые в ходе борьбы за нее, дух борьбы, побуждающий человека к преодолению самого себя, своих слабостей и недостатков. Существует определенная граница, которую нельзя переходить в спортивных олимпийских соревнованиях, как бы ни были желанны победа или установление рекорда. Такой границей он считал этические нормы. Только при нравственном поведении в соперничестве спорт, спортивные соревнования будут выполнять свою воспитательную функцию. <...>

Основатель современного олимпийского движения считал участниками соревнования не только спортсменов, но и спортивных судей, создающих всем участникам в соответствии с правилами оптимальные и равные условия для реализации целей спорта. Именно поэтому были приняты клятвы участников – спортсменов и судей – в верности олимпийским идеалам, в уважении к сопернику и правилам состязаний.

Поскольку вся спортивная деятельность направлена на совершенствование способностей спортсмена, его личности, то из сферы спорта должны быть исключены все цели, средства, методы и формы организации и проведения занятий, которые могут повредить нравственному, физическому, психическому здоровью занимающихся. Эксплуатация спортсмена не имеет права на существование в сфере спортивной деятельности. Отсюда требование исключить эксплуатацию спортсмена обществом, государством, предпринимателями от спорта и отделить профессиональный спорт от любительского. На олимпийских соревнованиях спортсмен должен представлять себя, а не государство, отсюда запрет официального определения командного места для государств, представленных на соревновании своими гражданами. <...>

Главный замысел Кубертена, связанный с возрождением Олимпийских игр, состоял отнюдь не в простом стимулировании интереса

к спорту и развитии его в международном масштабе. В первую очередь речь шла о том, чтобы последовательно, систематично и эффективно использовать спорт как средство решения педагогических задач, речь идет о значении спорта для «обновления человечества через воспитание».

Важнейшее значение в структуре воспитания играет цель педагогической деятельности – тот идеал личности, на реализацию которого она ориентирована. Целевая установка воспитательной деятельности самым существенным образом влияет на ее содержание, формы, средства и методы. Поэтому Кубертен огромное внимание уделял характеристике того идеала личности, который должен служить целью воспитательной деятельности в олимпийском движении. Он опирался на гуманистический идеал гармонично развитой личности. Этот идеал восходит к идее Платона и Аристотеля о важном значении для развития человека триады, включающей в себя музыку, философию и гимнастику, которые рассматривались как фундаментальные элементы, затрагивающие все аспекты человеческого существования: чувственный, познающий и психологический. Этот идеал связан также с древнегреческим идеалом калокагатии (от греч. kalos – прекрасный и agatos – добрый), который подразумевает прекрасного человека, для которого характерны сочетание внешних достоинств с внутренними, духовными, нравственными качествами, гармония тела и души. <...>

В соответствии с таким идеалом личности, который Кубертен мечтал привить всему человечеству в качестве его смысла существования, олимпийскому атлету должны быть присущи совершенные физические качества, здоровье, красота («поэзия») физически развитого тела и движений, а вместе с тем сила духа, интеллект, эстетический вкус, художественный талант, культура речи и общения, высоконравственные качества: честность, великодушие, бескорыстность и др. <...>

Важным средством «облагораживания спорта» Кубертен считал возрождение «спортивной религии», которая наиболее ярко выражена в олимпийском спорте Античности. Согласно концепции Кубертена, «религия спорта» – это этическая система, не основанная на сверхъестественной божественной санкции и тем самым не являющаяся религией в собственном смысле слова, но обладающая всеми признаками религиозного культа, предметом которого служат спортивная дея-

тельность и те, кто достигает в ней совершенства. Зажжение олимпийского огня, шествие, клятва, торжественные обороты речи на современных Олимпийских играх – все это восходит к религиозному ритуалу Античности. <...>

Атмосфера состязательности античного греческого общества, как известно, сформировала высокую культуру, которая позволяла грекам ощущать свое духовное превосходство над «варварами», т. е. над всеми остальными народами, которым все это было не свойственно. Агонистика завоевала классическую Грецию, влияние и дух спортивных состязаний распространились повсюду. Этот процесс был настолько всеобъемлющ, что уже в VII – VI вв. до н. э. элементы агона проникают в философию, политику, искусство – интеллектуальные состязания, выступления риторов и ораторов в народных собраниях, судебно-процессуальные споры истцов и ответчиков, публичные соревнования драматургов и поэтов. Агон был той цивилизованной, узаконенной формой борьбы, где находили свое воплощение жажда заявить о себе и «стремление всегда и во всем быть первым». Индивиды имели возможность меряться силами и талантами в борьбе, которая предполагала, что ее участники обладают равным социальным статусом, принадлежат к одному и тому же цивилизованному сообществу, именуемому миром эллинов.

Безусловно, что агонический дух ярче и зримее всего проявил себя на олимпийских ристалищах. Победа на Играх была не просто индивидуальным делом и не банальной демонстрацией физической силы. Она была данью уважения к богам и способом наиболее полной самореализации и превосхождения себя как личности. Бег и прыжки были не самоцелью, а средством реализации идеала, который разделяли все те, кто принадлежал к греческой культуре. <...>

В 776 г. до н. э. в небольшом поселке Олимпия, расположенном в древнегреческой области Элида, состоялись первые соревнования, давшие старт будущим Олимпийским играм. Эти состязания постепенно приобрели большую популярность во всей Греции, сделав олимпийский праздник панэллинским, а олимпиоников – национальными героями. Сначала в атлетических празднествах принимали участие только бегуны, и это отражало приоритеты той эпохи: греки отдавали предпочтение скорости, а не выносливости и силе. Но по прошествии некоторого времени в программу олимпийских игр вошли,

кроме бега, борьба, метание диска, гонки колесниц, кулачный бой. Чтобы найти удачу, отнюдь не каждый атлет мог отправиться в Олимпию по своей воле или по своему желанию. Город направлял лучших из лучших, устраивая им отборочные состязания, несколько месяцев атлеты готовились к соревнованиям. Олимпийские наставники подняли подготовку атлетов на высокий уровень. Им были известны типы телосложения, приемы психологической подготовки, системы спортивного питания и диеты, они знали средства развития скорости, силы, выносливости.

Обращаясь к вопросам подготовки древних атлетов к состязаниям и их бытового поведения, мы сталкиваемся с таким уникальным явлением культуры, как аскеза. Во всемирной философской энциклопедии под аскезой понимается отказ от материального ради духовного. Между тем буквальное значение слова aske (греч.) – упражнение в чем-либо – техника телесных и ментальных практик, служащих средством к достижению сверхчувственных целей: этического идеала, мистического совершенства. Тренировка древних атлетов имела характер религиозной аскезы и, как всякая тренировка, ставила своей целью предельное развитие способностей, обеспечивающих успех в состязании. Развивались эти способности посредством предписаний и запретов, складывающихся в процессе развития спортивной практики, наблюдений и обобщений результатов. Формы аскезы многообразны и традиционны для каждой общественной группы, однако допустима и личная аскеза, правила которой изобретались самим атлетом. Ярким примером личной аскезы было поведение борца Милона Кротонского, жившего в VI в. до н. э., который упражнялся в силе. Помимо тех упражнений, которые считались общепринятыми для развития силы, Милон Кротонский включил в эту аскезу самолично изобретенное правило – ежедневно обносить вокруг городской стены подрастающего теленка, покуда он не превратится во взрослого быка. Этим способом известный атлет и пифагореец Милон поднялся до статуса легендарного силача, сравнимого с мифологическими героями. <...>

Как же воспринимался победитель – человек, добившийся успеха, – в общегреческом масштабе? В соответствии с общими особенностями мировоззрения грека для него остается незыблемым то понимание мира, что в целом он не подвластен человеку. Более того, этот мир по отношению к человеку глубоко безразличен и даже враждебен

ему, так что человек в конечном счете отдан року, судьбе и, по сути, обречен.

Как при наличии указанных представлений трактуется и оценивается победа какого-либо конкретного индивида в общеэллинском масштабе? Для грека естественно считать, что победа столь абсолютного ранга не может быть достигнута самостоятельно, с опорой только на собственные силы. Такая победа возможна лишь в случае активной помощи богов. Кто же такой тогда победитель-олимпионик? Он – баловень судьбы, любимец богов! Кого же, следовательно, определяет спортивное состязание – атлета-победителя? В известном смысле это, конечно, так. Но не только. И даже в первую очередь – не исключительно его. Оно определяет, по сути, лучшего грека. Об этом говорит К. Ясперс: «Часто современный спорт сравнивают с античными играми. В те времена спорт был подобен косвенному сообщению о себе выдающегося человека в его божественном происхождении; теперь об этом не может быть и речи».

Аналогично оценивает ситуацию российский исследователь М. Гаспаров: «Греческие состязания должны были выявить не того, кто лучше всех в данном спортивном искусстве, а того, кто лучше всех вообще – того, кто овеян божественной милостью». <...>.

Вопросы и задания

1. В каком году и где впервые состоялись Олимпийские игры в древности?
2. Кто явился инициатором возрождения Олимпийских игр в конце XIX – начале XX века?
3. Какое определение дается олимпизму в Олимпийской хартии?
4. Найдите в статье информацию о целях и принципах олимпизма. Выпишите то, что вам показалось наиболее важным. Объясните ваш выбор.
5. Видите ли вы какие-либо сходства или различия в принципах олимпизма, сформулированных в конце XIX – начале XX века, с современными принципами проведения Олимпийских игр и отношением к ним в обществе? Какие именно?
6. Как в Античности называли олимпийского чемпиона? Как древние греки относились к победителям Олимпийских игр?

7.3. Христианская культура

В. Пономарев

СИМВОЛИКА БОГОСЛУЖЕБНЫХ ЦВЕТОВ

(Извлечение)

Облачения Престола[1], жертвенника[2], богослужебные одеяния духовенства и даже аналойники[3] могут быть того или иного цвета, в зависимости от празднуемого Святой Православной Церковью дня памяти святого или священного события. Разработанных догматических установлений в этой области не существует, но в Церкви есть неписаная традиция, усваивающая различным цветам, употребляемым в богослужении, определенную символику. То же самое относится к настенным росписям и вообще к православным иконам.

Праздники Православной Церкви, которым соотнесены определенные цвета (*белый, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, черный*) одеяний, можно объединить в шесть групп.

1. Группа праздников и дней памяти Господа Иисуса Христа (прежде всего воскресные дни), а также особых помазанников Божиих – пророков, апостолов и святителей. Цвет облачений – *золотой (желтый),* являющийся цветом славы, величия и достоинства.

2. Группа праздников и дней памяти Пресвятой Богородицы, Бесплотных Сил, дев и девственников. Цвет облачений – *голубой* и *белый*, цвет неба, таинственно-символически выражающий учение Церкви о Божией Матери, вместившей Христа-Небожителя в Своей Пречистой утробе.

3. Группа праздников и дней памяти Креста Господня. Цвет облачений – *фиолетовый* или *темно-красный*. В фиолетовом цвете соединены два цвета – *красный* (цвет крови Христовой и Воскресения) и *синий* (символически выражающий ту мысль, что Крестом открывается дорога в небо).

4. Группа праздников и дней памяти мучеников. Цвет облачений – *красный*, являющийся символом неизреченной, пламенной любви Божией к человеку. Но так как это и цвет крови, то в красных облачениях проходят службы в честь мучеников.

5. Группа праздников и дней памяти преподобных, подвижников, юродивых, а также День Святой Троицы, Вход Господень в Иерусалим и день Святого Духа. Цвет облачений – *зеленый*, соединяющий в себе два цвета: *желтый* и *голубой*. Он свидетельствует о том, что монашеский подвиг оживотворяет человека соединением со Христом (*желтый* цвет) и благодатью Духа Святого (*голубой* цвет) и возводит его на небо.

6. В период постов цвет облачений – *темно-синий, фиолетовый, темно-зеленый, темно-красный и черный*, который употребляется во дни Великого поста, являясь символом отречения от пышности мирской суеты, цветом плача и покаяния. В воскресные и праздничные дни Великого поста употребляются облачения *фиолетового* цвета.

Белый цвет, объединяющий в себе все цвета радуги, является символом Божественного нетварного света. В *белых* облачениях совершают богослужения Рождества Христова, Богоявления, Вознесения, Преображения; в них начинается Пасхальная утреня. Кроме того, они используются для совершения крещений и погребений.

Белый цвет принят для поминовения усопших, потому что он очень ясно выражает смысл и содержание заупокойных молитв. В них испрашивается для умерших упокоение со святыми в селениях праведников, облеченных в Царстве Небесном в белые ризы Божественного света.

В иконописи Божественный свет символизировался не только *белым*, но и *золотым* цветом, символизирующим сияние вечной жизни и чистоты в противоположность *черному* цвету ада, смерти и духовной тьмы. В связи с такой символикой *черного* цвета, иконописцы старались избегать его употребления и там, где изображаемый предмет имел естественно *черный* цвет, заменяли его на другой *темный* цвет спектра. По той же причине в древней иконописи избегали *коричневого* цвета, являющегося цветом земли и грязи.

Примечания

[1] Престол – четырехугольный стол, находящийся в центре алтаря, освященный и облаченный в священные одежды.

[2] Жертвенник – четырехугольный стол, находящийся в северо-восточной части алтаря (слева от престола), облаченный в такие же, как и престол, одежды.

[3] Аналойник – декоративная накидка, которая украшает аналой. Аналой (греч. «подставка под книгу») – высокий, вытянутый вверх четырехгранный столик с пологой доской для удобства читать стоя богослужебные книги или прикладываться к иконам, положенным на него.

Вопросы и задания

1. Сколько всего цветов рассматривается в этой статье? О цвете каких предметов, характерных для православной церкви, идет речь?
2. В каких случаях в православной церкви употребляются одеяния и украшения фиолетового цвета?
3. Почему красный цвет связан с днями памяти мучеников?
4. Какие цвета в православной церкви связаны с Пресвятой Богородицей?
5. Почему иконописцы избегали темных цветов?
6. Объяснение символики какого цвета показалось вам наиболее интересным, важным? Почему?

7.4. Мусульманская культура

И. А. Бочарова

ХИДЖАБ КАК ОСОБЕННОСТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОДЕЖДЫ

(Извлечение)

Мусульманский женский костюм традиционно ассоциируется с хиджабом. Хиджаб означает одежду мусульманок, иногда хиджабом называют только платок. В последнее время стало модным ношение платков и накидок. Изменения общественных вкусов порой непредсказуемы. То в одной, то в другой стране женщины протестуют, когда им пытаются запретить носить хиджаб. Некоторые считают такие запреты нарушением женских и человеческих прав, вокруг этого вопроса кипят политические дискуссии. Если обратиться к «Справочнику мусульманской женщины», то там написано, что ношение хиджаба – один из важных аспектов жизни мусульманки. Нужно отметить, что хиджаб – нечто гораздо большее, чем просто одежда. Мы будем говорить о «внешнем» хиджабе (одежде), однако необходимо иметь в виду, что существует еще «внутренний» хиджаб – поведение, манера

держаться... Чтобы одежда могла считаться исламской, необходимо выполнить следующие условия.

Одежда должна полностью закрывать голову и тело, кроме лица и кистей рук. Это означает, что шея, предплечья, уши и вдетые в них серьги должны быть закрыты. Представители некоторых школ исламской юриспруденции утверждают, что ступни ног можно и не закрывать, но все придерживаются общей точки зрения относительно того, что ноги должны быть закрыты. Сама по себе одежда не должна служить украшением, способствующим привлечению внимания мужчин. Это означает, что следует избегать ярких цветов, сверкающих украшений, а также тканей, в которые вплетены блестящие нити. (Можно носить все это дома, а указанные ограничения относятся лишь к той одежде, которую женщина надевает, выходя из дома или в присутствии мужчины, не относящегося к категории близких родственников (*махрам*), с которыми ей запрещено вступать в брак).

Одежда должна быть достаточно плотной, чтобы скрывать цвет кожи: просвечивающие или прозрачные ткани неприемлемы. Наряд должен быть достаточно свободным, чтобы скрывать очертания тела: неприемлема облегающая, обтягивающая тело одежда, подчеркивающая его формы. От одежды не должно пахнуть парфюмерией. Одежда мусульманки не должна походить на мужской костюм. Брюки должны быть только женского покроя. Нежелательно, чтобы одежда выделяла вас из толпы. Она не должна быть слишком светлых и ярких тонов или броского покроя, которые обязательно привлекут к вам внимание. <...> Лучше избрать для себя приспособленные к мусульманскому стилю варианты современной одежды, например костюм, состоящий из длинного прямого жакета и длинной юбки прямого покроя. Выбор одежды в огромной мере зависит от индивидуальности каждой женщины, ее сознания, но при выборе хиджаба следует учитывать такие факторы, как климат страны, род занятий и место работы. Ведь то, что подходит в странах Арабского Востока женщине, ведущей домашнее хозяйство или работающей дома, где она окружена многочисленными домочадцами, не подойдет в горном Дагестане хозяйке дома, у которой кроме семьи есть еще и работа вне дома.

Одежда мусульманских женщин должна отличаться от одежды немусульманок. Одна из основных функций хиджаба заключается в том, чтобы показать, что носящая ее женщина – это мусульманка.

В частности, не следует носить одежду, имитирующую национальные наряды других народов. Ярким примером таких совершенно неприемлемых для ислама тенденций является мода на платья в индийском стиле, получившая распространение среди некоторых мусульманских женщин Азии. Это не должна быть одежда, свидетельствующая о тщеславии ее обладательницы, то есть кричащая, покрытая драгоценными камнями, с вплетенными золотыми или серебряными нитями и пр. <...>

Некоторые люди, как мусульмане, так и немусульмане, могут подумать, что ношение хиджаба мешает женщине выполнять определенные виды работ. Это не так. Здесь уместно вспомнить доводы, выдвинутые против школьниц, пожелавших носить хиджаб. Один из них заключался в том, что платки якобы создадут угрозу возгорания во время работы в химической лаборатории. Но платок без труда можно заправить в горловину блузки или свитера. Некоторые удивляются: а можно ли вообще быть юристом, врачом, администратором, журналистом и так далее, когда на тебе – «длинные развевающиеся одежды»? Разумеется, платье, напоминающее цветочную палатку, в деловой части города будет выглядеть неуместно. Однако в хиджабе можно выглядеть и деловой женщиной. Если есть иголка и нитка, то можно приспособить для себя большинство моделей одежды либо найти портного, который перешьет ту или иную модель. Достаточно просто купить платье на несколько размеров больше – оно будет свободным и достаточно длинным, чтобы выглядеть как хиджаб. Если женщина небольшого роста, а в моде длинные платья и юбки, то задача будет решена. Женщины среднего роста могут купить одежду, предназначенную для высоких. Более высокие женщины могут подобрать себе наряды в специализированных магазинах. Таким образом, приложив незначительные усилия, можно получить практический деловой костюм, позволяющий заниматься любой работой и при этом соответствующий всем исламским требованиям. Нужно заметить, что в старину одежда девушек была облегающей, а женщины носили очень свободные платья. Они имели низко спущенный лиф – до тазобедренного сустава, длинные рукава (на ладонь длиннее рук), широкие проймы рукавов – до самой талии. <...>

Представления о цветовой гамме были выработаны еще в древности. Информация, поступающая в мозг человека при помощи зрения, воспринимается не только в виде предметов, но и в виде цвета. Ощущение цвета – субъективное ощущение, отражение реальной жизни. На цвет материалов традиционной одежды большое влияние оказывают природно-климатические факторы, которые затем закрепляются с помощью традиций или запретов (табу). Издревле использовались в качестве украшений разноцветные камни, самоцветы Урала. Цвета материалов традиционной одежды народов Дагестана созвучны многообразию родной природы, великолепным пейзажам – лесам, озерам горной части края, буйству красок, связанных со сменой времен года. На выбор цвета материалов влияли также доступность и дешевизна некоторых местных растительных и минеральных красителей.

В странах ислама, например, цветовая символика чрезвычайно распространена. Многозначные цветовые символы формировались под влиянием как Древнего Востока, так и Запада. Вместе с тем в цветовой символике ислама много оригинального. Запрет в исламе на изображение людей, животных и так далее способствовал тому, что цвет стал одним из главных выразительных средств. Цветовые орнаменты, узоры ковров представляют собой систему цветовых символов, отражающих представления мусульман о земной и небесной жизни. В Коране свет, а также наиболее светлые и яркие цвета являются символами блага, божественного начала, но, как и в христианстве, не отождествляются с Богом. Белый выражает чистоту и духовность. В споре невольниц из книги «Тысяча и одна ночь» белый называется лучшим из цветов.

Золотой (желтый) символизирует славу, успех, богатство, торжество. Считался лечебным цветом (Омар Хайям), вместе с тем желтый имел и негативные значения, в частности, был символом желудочных заболеваний.

Красный для мусульман не столь амбивалентен по содержанию, как в других культурах. Этот цвет считался священным, магическим, имеющим большую «жизненную силу». Поэтому ценились драгоценные камни красного цвета – рубины и др. Считалось, что они придают владельцу силу, энергию, бесстрашие. Символизировал он и любовную страсть. Вера в «великую силу красного» была настолько силь-

ной, что считалось за лучшее не показывать камни красного цвета маленьким детям, а также животным, которых он мог испугать или возбудить. В поэтическом творчестве мусульман были широко распространены «красные символы», например, красная роза означала страстную любовь. Почитаемым и «священным» считался зеленый цвет (зеленое знамя Пророка).

Зеленый символизировал оазис, природу, жизнь, отдых. Камни зеленого цвета приносили жизненную стойкость, счастье и благополучие в делах. По данным А. Е. Ферсмана, драгоценные камни зеленого цвета были любимы мусульманами больше всех.

Синий и фиолетовый (цвета тени), как и у христиан, ценились за их трансцендентный, мистический характер. Синий и фиолетовый – цвета мистического созерцания, приобщения к божественной сущности. Фиолетовый цвет имел и значение обманчивости земной жизни, миража.

Весьма существенной особенностью исламской цветовой символики являлся не столь негативный характер черного цвета. Ночь, тьма, тень дополняли свет. Священный камень храма Каабы – черный. Черный – цвет земли. Он же был цветом одежды и знамени аббасидских халифов. Вместе с тем с черным ассоциируются негативные явления: грязь, грех, злые дела. Превалирование положительного отношения к чистым, светлым, сияющим цветам является одной из особенностей исламской цветовой символики. Но если цвет замутнен, нечист, «грязен», то он теряет для мусульманина всякую привлекательность. Как и в средневековой Европе, это прежде всего относится к серому и коричневому. Они – цвета несчастья и нищеты. Серый – цвет пыли и праха, противоположность яркого, разноцветного мира, напоминающий смертным о бренности их существования. <...>

Таким образом, традиционный народный костюм – это исторически сложившийся продукт национальной культуры, связанный с образом жизни, обычаями, климатическими условиями, историческими событиями и особенно – внешним обликом человека. Традиционный женский костюм подчеркивает силуэт. При достаточной ширине одежды очертания женского тела будут скрыты. Такой ансамбль непременно дополняется головным убором и косой (косами) значительной длины. Следовательно, костюм можно назвать знаковой си-

стемой или языком культуры, где происходит накопление, оформление в текст и передача культурной информации. Язык костюма наряду с устной речью расширял диапазон знаний и представлений общества и служил для передачи информации следующим поколениям. В традиционном народном костюме, как в символико-знаковой системе, зашифрован жизненный опыт множества поколений.

Вопросы и задания

1. Что такое хиджаб? Выпишите из статьи определение. Знали ли вы раньше, что такое хиджаб?
2. Какие условия нужно выполнить, чтобы одежда женщины считалась исламской? Перечислите основные пункты.
3. Прочитайте ту часть статьи, где автор пишет о символике цвета. Выпишите символику того цвета, который показался вам наиболее интересным.
4. Кого (что) запрещено изображать в исламе? Как этот запрет повлиял на искусство мусульман?
5. Какой цвет в исламе посвящен Пророку? Знаете ли вы, кто такой Пророк, каково его значение в исламе? Если не знаете, найдите ответ самостоятельно.
6. Каково мнение автора насчет удобства мусульманской одежды на работе, в школе?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее издание призвано способствовать лучшему усвоению обучающимися дисциплины «История мировой культуры». В хрестоматии представлены выдержки из работ научного и публицистического характера отечественных и зарубежных ученых разных периодов. Подобраны тексты по основным темам курса, которые могли бы вызвать интерес у студентов. Если у читателя хрестоматии возникнет желание ознакомиться с какой-либо работой целиком, ее библиографическое описание представлено в перечне документов.

Работа с хрестоматией – это часть самостоятельной работы студентов по дисциплине «История мировой культуры». Вопросы и задания, приведенные после каждого текста, помогают лучше понять суть поставленных в нем проблем, обратить внимание на основные мысли автора текста, задуматься о прочитанном и сформировать к нему личное отношение. Возможно обсуждение различных мнений студентов по темам, представленным в хрестоматии, в рамках практических занятий.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ХРЕСТОМАТИЮ

Глава 1

1. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура. Исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев [Электронный ресурс] / Э. Б. Тайлор ; пер. Д. Коропчевского. – URL: http://az.lib.ru/t/tajlor_e_b/text_1871_primitive_culture.shtml (дата обращения: 22.08.2024).

2. Малиновский, Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский ; пер. с англ. И. В. Утехина. – 2-е изд., испр. – М. : ОГИ, 1999. – ISBN 5-900241-60-2.

Глава 2

1. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет ; пер. с исп. С. Л. Воробьевой, А. Б. Матвеева. – URL: http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA /ortega12.txt (дата обращения: 22.08.2024).

2. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно ; пер. с нем. М. Кузнецова. – М. ; СПб. : Медиум : Ювента, 1997. С. 149 – 158.

Глава 3

1. Монгуш, М. В. Этническая культура: содержание и составляющие понятия [Электронный ресурс] / М. В. Монгуш, А. А. Зайцева, Е. С. Бакшеев // Культурологический журнал. – 2014. – № 2 (16). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnich eskaya-kultura-soderzhanie-i-sostavlyayuschie-ponyatiya (дата обращения: 22.08.2024).

2. Ерохина, Е. А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен [Электронный ресурс] / Е. А. Ерохина // Новые исследования Тувы. – 2017. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru /article/n/etnicheskoe-samosoznanie-teoreticheskiy-konstrukt-i-mentalnyy-fenomen/viewer (дата обращения: 22.08.2024).

Глава 4

1. Рошак, Т. Истоки контркультуры / Т. Рошак ; пер. с англ. О. А. Мышаковой. – М. : АСТ, 2014. – 380 с. – ISBN 978-5-17-082816-6.

2. Логвинов, И. Н. Ценностные ориентации представителей современных молодежных субкультур досуговой и учебно-профессиональной направленности [Электронный ресурс] / И. Н. Логвинов, М. И. Логвинова, Т. И. Логвинова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 2666 – 2670. – URL: http://e-koncept.ru/2014/54797.htm (дата обращения: 22.08.2024).

Глава 5

1. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико ; пер. А. А. Губера ; ред., авт. вступ. ст. М. А. Лифшиц. – М. ; Киев : REFL-book : НСА, 1994. – 618 с.

2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер ; пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. – М. : АСТ, 2009. – ISBN 978-5-17-062498-0.

Глава 6

1. Иконникова, Н. К. Механизмы межкультурного восприятия [Электронный ресурс] / Н. К. Иконникова // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 26 – 34. – URL: https://studylib.ru/doc/2627552/sociologiya-kul._tury-mehanizmy-mezhkul._turnogo-vospriyatiya-n... (дата обращения: 22.08.2024).

2. Григорьева, С. В. Мифологизированные стереотипы в межкультурных коммуникациях: Эфиопская империя глазами русских [Электронный ресурс] / С. В. Григорьева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (1). – С. 202 – 218. – URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/mifologizirovannye-stereotipy-v-mezhkulturnyh-kommunikatsiyah-efiopskaya-imperiya-glazami-russkih (дата обращения: 22.08.2024).

Глава 7

1. Фрэзер, Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете : пер. с англ. / Дж. Дж. Фрэзер ; предисл. и коммент. С. А. Токарева. – 2-е изд., испр. – М. : Политиздат, 1989.

2. Богданова, М. А. Культурное содержание олимпизма: от античности к современности [Электронный ресурс] / М. А. Богданова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 336, июль. – URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-soderzhanie-olimpizma-ot-antichnosti-k-sovremennosti (дата обращения: 22.08.2024).

3. Пономарев, В. Символика богослужебных цветов [Электронный ресурс] // Справочник православного человека. Ч. 1. Православный храм. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/spravochnik-pravoslavnogo-cheloveka-chast-1-pravoslavnyj-hram/4 (дата обращения: 22.08.2024).

4. Бочарова, И. А. Хиджаб как особенность мусульманской одежды [Электронный ресурс] / И. А. Бочарова // Исламоведение. – 2010. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hidzhab-kak-osobennost-musulmanskoy-odezhdy (дата обращения: 22.08.2024).

Учебное электронное издание

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Хрестоматия

Автор-составитель
ДАНИЛОВА Валерия Юрьевна

Редактор О. В. Балашова

Технический редактор Ш. Ш. Амирсейидов

Компьютерная верстка Л. В. Макаровой

Корректор Н. В. Пустовойтова

Выпускающий редактор А. А. Амирсейидова

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader; дисковод CD-ROM.

Тираж 9 экз.

Издательство Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.